ВОПЛОЩЕНИЕ БЕЗ ИНСТРУКЦИИ

Дух, Душа, личность
в игре под названием жизнь

ВИКТОРИЯ МАЙ-СТАЙН

Виктория Май-Стайн

Воплощение без инструкции. Дух, Душа, личность в игре под названием жизнь

«Автор»
2026

Май-Стайн В.

Воплощение без инструкции. Дух, Душа, личность в игре под названием жизнь / В. Май-Стайн — «Автор», 2026

Если Дух выбрал воплощение, почему я ничего об этом не помню? Где заканчивается его замысел и начинается моя свобода? И почему за духовный опыт порой приходится расплачиваться вполне земными нервами?Виктория Май-Стайн исследует отношения Духа, Души и личности, намеренное забывание, открытое будущее и жизнь внутри земной матрицы. Обращаясь к древним текстам, философии и современным эзотерическим учениям, автор разбирает и провокационный тезис: может ли собственная Душа оказаться паразитом?В центре книги — авторская философия воплощения, в которой человек остаётся участником своей жизни, вправе менять обстоятельства, искать радость и задавать неудобные вопросы. В том числе тем, кто слишком уверенно объясняет чужое страдание.Книга для тех, кому тесно в готовых духовных ответах и хочется разобраться, как представления о высшем связаны с обычной жизнью — работой, любовью, страхами и собственным выбором.

© Май-Стайн В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 6
Глава 1. За что мне всё это? 8
Причина, цель и смысл 9
Старый спор о незаслуженной беде 10
Всё ли объясняет карма? 11
Если я выбирал эту жизнь 12
Ответственность без тотального самообвинения 13
Нужно ли благодарить за боль 14
Можно ли жить, пока ответ не найден 15
Глава 2. Что я называю Истоком 16
Первоначальная основа — это что? 17
Когда название становится слишком тесным 18
Одно и многое 19
Происхождение без расходования 20
Почему именно любовь 21
Тогда откуда жестокость? 22
Как говорить о том, что нельзя показать 23
С чего начинается связь 24
Глава 3. Как возникает отдельное «я» 25
Кто говорит «я» 26
Огонь и искры 27
Самоосознание и имя 28
«Часть» не всегда означает осколок 29
Отдельность ещё не делает нас соперниками 30
Разумный Дух и земная личность 31
Различие между «мне принадлежит» и «мною исчерпывается» 32
Почему происхождение не отменяет становления 33
Начало собственной истории 34
Глава 4. Зачем Духу опыт 35
Знать о чём-то, пережить и суметь 36
Становление через действие 37
Вспомнить или приобрести? 38
Разные условия раскрывают разные возможности 39
Не только преодоление 40
Зачем нужны другие 41
Когда опыт ещё не стал пониманием 42
Для кого происходит познание 43
Воплощение как возможность 44
Глава 5. Дух, Душа, тело, личность 45
Четыре понятия отвечают на разные вопросы 46
Дух: происхождение и собственный опыт 47
Душа: участие в воплощении и связь 48
Тело: сама возможность быть здесь 49
Личность: земная история имеет значение 50
Почему чужие схемы не складываются по числу частей 51
Кто принимает решение 52

Где в этой картине сознание 53
Целостность без внутренней иерархии достоинства 54
Глава 6. Душа как связь 55
Кто с кем связан 56
Где находится то, что не имеет адреса 57
Связь, которую нельзя оборвать 58
Когда внимание занято личностью 59
Внутреннее чувство и его толкование 60
Дух участвует в жизни 61
Быть направляемой и оставаться свободной 62
Древний текст о незамеченном присутствии 63
Жить по душе в обычный день 64
Глава 7. Почему именно эта жизнь 65
Условия ещё не составляют биографию 66
Древний рассказ о выборе жизни 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Виктория Май-Стайн
Воплощение без инструкции. Дух, Душа, личность в игре под названием жизнь

Введение

Стоит заговорить о смысле жизни, и почти наверняка услышишь: мы пришли на Землю за опытом. Хорошо. Но почему тогда один опыт хочется повторить, а после другого приходится полгода собирать себя по кусочкам? И кто решил, что я должна быть благодарна за оба? На этом месте разговор обычно становится особенно духовным: личности, мол, всей картины не видно. Удобное объяснение. Только жить эту жизнь всё равно приходится ей.

Меня интересует, что останется от духовной философии, когда мы вернёмся к обычному дню: нужно оплачивать жильё, разговаривать с близкими, принимать решения. Здесь и выясняется, помогает ли человеку его картина мира. Можно прекрасно рассуждать о высших измерениях и годами не замечать, что в собственных отношениях ходишь по кругу. Вот с этой неприятности я и предлагаю начать.

Я занимаюсь эзотерическими практиками и изучаю разные направления. У меня есть собственная философия, о которой я и говорю в этой книге. Но за привычными словами часто прячется привычка их произносить: Дух, Душа, личность — вроде бы понятно каждому. Попроси объяснить отношения между ними, и согласие быстро заканчивается. Вот здесь мне и интересно разбираться.

Больше всего путаницы начинается со знакомых слов. Один называет душой чувства, память и способность любить. Другой — самостоятельную сущность, которая живёт до рождения тела и после его смерти. Оба уверены, что обсуждают одно и то же. А потом кто-нибудь объявляет Душу паразитом, и начинается спор, в котором даже подозреваемого толком не опознали. Мы до этого обвинения доберёмся: с именами авторов, текстами и вопросом, кого именно они имели в виду.

Я понимаю человека как единство Духа, Души, тела и личности. Дух происходит из Истока и остаётся в духовном мире. Для воплощения он выделяет часть своей энергии — разумную Душу. Она входит в тело, получает опыт и связывает земную жизнь с Духом. Личность складывается здесь, в отношениях и поступках. Сложность начинается, когда из этих различий делают лестницу важности: Духу достаётся великий замысел, а личности — обязанность молча его обслуживать. В моей картине человек целый. Значит, его земные интересы придётся услышать всерьёз.

Для меня воплощение связано с возможностью познавать себя через опыт. Дух выбирает исходные условия и намеренно оставляет земную личность без памяти о первоначальном замысле. Не знать заранее — часть выбора. Но это не значит, что все будущие события уже расписаны: узнавая себя, человек принимает настоящие решения. К этой мысли мы ещё вернёмся, потому что фразой «ты сам это выбрал» слишком легко закрыть любой разговор.

Состояние влияет на восприятие, решение — на поступок, а поступок — на дальнейшие события. Так человек выбирает и открывает ветку реальности. Но рядом живут другие люди со своей волей. Сводить всякую потерю к плохому настроению пострадавшего — значит вычеркнуть из истории всех остальных участников, включая тех, чьи решения эту потерю и вызвали.

Воплощение включает чувства, которые нам не нравятся. Злость, страх, разочарование не исчезают от решения стать духовнее. Их можно скрыть даже от себя, только тогда разобраться в происходящем будет ещё труднее. Одному уже удаётся посмотреть на случившееся иначе,

другому бы сначала снова начать нормально спать и есть. Назначать обоим срок, за который положено найти полезный урок, я не собираюсь.

Здесь я излагаю свою духовную философию и уверена в ней. Другие учения я рассматриваю в их собственном смысле, научные работы — в пределах того, что в них исследовали. Бытовые истории — мысленные примеры, а не рассказы о моих клиентах. Примечания позволяют проверить, где говорит источник и где начинается мой вывод.

Что получает личность в опыте Духа? Зачем воплощаться без памяти о первоначальном замысле? Что остаётся от отдельного человека в единении с Истоком? Эти вопросы затрагивают мою философию прямо. Ответить на них одними красивыми совпадениями с древними текстами не получится; иной раз разница окажется полезнее сходства.

И ещё: я не думаю, что каждому непременно надо обнаружить в себе спасителя мира. Работа, близкие, интересное дело, желание устроить собственную жизнь — вполне серьёзное содержание воплощения. Если духовная концепция признаёт только великие миссии, с обычным человеческим счастьем у неё явно возникнут трудности. А мне хотелось бы понять и его тоже.

Глава 1. За что мне всё это?

Вопрос «за что?» уже содержит приговор: со мной случилось что-то плохое, значит, я это заслужила. Осталось найти проступок. Начинаем перебирать решения, вспоминать, кого обидели, где пошли против совести. Не нашли ничего подходящего — можно углубиться в детство, поступки родителей, прошлые воплощения. Работа обеспечена надолго. Только станет ли от неё понятнее, что происходит сейчас?

Предприятие закрылось, люди остались без работы. Один давно хотел уйти, другой только устроился, третий рассчитывал доработать до пенсии. Кто-то потом скажет: «Слава богу, Бог отвёл». Другой запомнит тяжёлые месяцы и тех, кто помог их пережить. Причину закрытия можно искать в документах и решениях руководства. А по разнице человеческих реакций нельзя заключить, что первого уволили ради светлого будущего, а второго — за недостаток веры. Такую историю мы бы уже сочинили сами.

В обычных делах связь поступка и последствия часто очевидна: нарушаешь договорённости — тебе меньше доверяют. Но привычка искать причину незаметно превращается в привычку искать вину. «За что?» начинает означать сразу всё: объясни причину, найди виновного, помоги выдержать случившееся, скажи, как теперь жить. Ответ «такой был урок» накрывает все эти просьбы, а решать их всё равно придётся по отдельности.

Причина, цель и смысл

Это различие кажется сухим, пока речь идёт о словах. В жизни от него зависит многое. Женщина может после трудного расставания пересмотреть представление о близости, научиться замечать то, на что раньше закрывала глаза, построить другие отношения. Всё это будет частью её опыта. Но если объявить причинённый ей вред необходимым способом обучения, возникает дополнительное утверждение: будто без этого вреда развитие было невозможно. Откуда нам это известно? Сравнить прожитую жизнь с единственной обязательной альтернативой мы не можем.

Тем более нельзя незаметно переносить на другого человека собственную оценку. Фраза «сейчас я понимаю, чему научилась» принадлежит тому, кто прожил события и пытается их осмыслить. Утверждение «тебе это было нужно» произносится уже с другого места: говорящий берётся знать назначение чужого страдания. Разница здесь существенная. В первом случае человек работает со своей историей. Во втором ему сообщают, какой смысл он обязан в ней обнаружить.

Опыт появляется и после ошибки, и после чужой жестокости, и после счастливой встречи. Но извлечённое понимание не превращает все пути к нему в равноценные. Если после обмана я стала внимательнее, это приобретение моё. Обман от этого не становится педагогической заслугой обманувшего.

Слова «всё неслучайно» ещё не объясняют, что произошло. Иногда случайным называют событие, причин которого не знают; иногда — пересечение независимых обстоятельств. Замысел воплощения относится к другому уровню разговора. В моей философии жизнь осмысленна, но это не даёт мне готового знания о причине каждой чужой беды.

Старый спор о незаслуженной беде

Вопрос о связи страдания и вины возник задолго до современной эзотерики. Один из текстов, к которым здесь стоит обратиться, — книга Иова. В её первой главе герой сразу представлен праведным человеком. Его благополучие разрушается, однако повествование не объясняет это тайным проступком: читателю показан небесный спор о бескорыстии его верности Богу. Сам Иов не участвует в этом разговоре и не получает его в качестве объяснения своих потерь. Уже такое устройство рассказа мешает простой схеме: если человеку плохо, значит, он прежде сделал нечто плохое. [1]

Елифаз, один из друзей Иова, рассуждает иначе. В его речи звучит вопрос: «погибал ли кто невинный» (Иов 4:7). Следом он связывает бедствие с посеянным злом. Для Елифаза существует моральная закономерность, которая должна объяснить положение собеседника. Но читателю уже известно начало истории, и потому его уверенность выглядит проблемой, а не готовым решением. Друг пытается понять конкретную беду через представление о том, как мир обязан воздавать человеку. [2]

В заключительной главе Бог упрекает Елифаза и двух его друзей: о Нём они говорили не так верно, как Иов (Иов 42:7). Этот эпизод не даёт универсального ответа о происхождении любого страдания. Он также не превращает каждое возражение Иова в отдельную догму. Однако в рамках повествования друзья не оказываются безусловно правыми только потому, что защищали привычное объяснение происходящего. [3]

Друзья Иова защищают порядок, который считают справедливым. Несчастному в таком порядке осталось найти свою вину. Но читатель уже видел начало истории. Отсюда и конфликт: сохранить объяснение любой ценой или услышать того, чья жизнь ему возражает? Книга оставляет и другую трудность — почему страдание праведника вообще допущено. Одно затруднение не снимает другого.

Современный читатель может убрать религиозную лексику и повторить ход Елифаза: беда произошла из-за неправильных вибраций, а выбраться не удаётся из-за сопротивления уроку. Конкретных сведений о человеке может не быть, объяснение всё равно готово. Стало лучше — метод работает. Стало хуже — человек плохо работает над собой. Для ошибки самого толкования места не предусмотрено. Говорить всё это можно даже очень сочувственно; логический круг от интонации не исчезнет.

Екклесиаст ставит вопрос с другой стороны. В девятой главе перечислены случаи, когда ожидаемое преимущество не обеспечивает соответствующего результата: быстрота не гарантирует победы, мудрость — достатка. В тексте появляется выражение «время и случай для всех их» (Еккл 9:11). Следующий стих говорит о неожиданности бедственного времени для человека. Это наблюдение ограничивает возможность судить о достоинствах человека по его удаче. Наличие способностей не превращает мир в механизм гарантированных выплат. [4]

Я обращаюсь к Иову и Екклесиасту из-за сопротивления, которое сами тексты оказывают удобной связи между участью человека и его достоинствами. Подобрать древнюю цитату для обвинения несложно. Иногда достаточно прочитать дальше, чтобы обвинение перестало выглядеть таким убедительным.

---

[1] Библия. Синодальный перевод. Иов 1:1, 1:6–12, 1:13–22. https://bible.by/syn/18/1/.

[2] Там же. Иов 4:7–9. https://bible.by/syn/18/4/.

[3] Там же. Иов 42:7–9. https://bible.by/syn/18/42/.

[4] Там же. Екклесиаст 9:11–12. https://bible.by/syn/21/9/.

Всё ли объясняет карма?

Слово «карма» иногда используют так, будто это готовое название скрытого обвинительного заключения. Произошло неприятное — карма. Неизвестно, что человек сделал, когда и кому, но предполагается, что основание обязательно существует. Для такого употребления даже не требуется знать содержание буддийских или индуистских учений. Достаточно слова, за которым удобно спрятать неизвестность.

Но говорить от имени традиции стоит после знакомства с конкретным текстом. В «Сивака-сутте», входящей в «Самъютта-никаю» под номером 36.21, обсуждается мнение, будто всё испытываемое человеком обусловлено прежним действием. В ответ перечисляются разные причины ощущений: телесные расстройства, изменения климата, неблагоприятное поведение, повреждения; результат каммы назван среди причин. Утверждение, сводящее весь опыт к прежнему действию, отвергается как выходящее за пределы известного и признаваемого на опыте. [5]

Речь идёт об ощущениях и их причинах, а не о полной современной теории любых жизненных обстоятельств. Телесные объяснения даны в медицинских представлениях самого текста; превращать их в медицинские рекомендации сегодня нельзя. Сутта также не отменяет учение о камме. Её значение для нашей темы уже и точнее: она не позволяет безоговорочно приписать одному прошлому действию всё, что человек испытывает. Для понимания страдания предлагается учитывать различия причин. [6]

Даже на этом ограниченном примере видно, почему короткое «всё карма» слишком мало объясняет. Оно стирает разницу между состоянием тела, внешним воздействием, поведением и нравственной причинностью. Мы можем придерживаться духовных убеждений и всё же разбираться, что непосредственно произошло. Обращение к обстоятельствам не мешает духовному поиску. Напротив, без него мы рискуем принять собственную догадку за знание о чужом существовании.

Есть ещё одно библейское место, которое требует аккуратного чтения. В Евангелии от Луки говорится о погибших галилеянах и о восемнадцати людях, убитых падением Силоамской башни. Иисус отвергает предположение, будто эти люди были виновнее остальных. Но дальше звучит призыв к покаянию. Поэтому приводить эпизод как отказ от всякой религиозной оценки жизни было бы искажением. Более узкий вывод обоснован: сам факт такой гибели не доказывает особой виновности погибших (Лк 13:1–5). [7]

Буддийская сутта, книга Иова и евангельский эпизод не излагают одно учение. Мы сопоставляем их в одном пункте, сохраняя различия: позволяют ли пережитая боль и несчастье сразу вынести человеку нравственный приговор? В этих фрагментах для такого автоматического вывода основания не находятся. Это уже серьёзный повод осторожнее обращаться с обвинениями, даже если они произносятся под видом духовной помощи.

---

[5] Sīvaka Sutta, Saṃyutta Nikāya 36.21; PTS S IV 230–231. Перевод с пали Ньянапоники Тхеры: Sivaka Sutta: To Sivaka, Access to Insight (BCBS Edition), редакция страницы 30.11.2013; источник перевода — Buddhist Publication Society. https://accesstoinsight.org/tipitaka/sn/sn36/sn36.021.nypo.html.

[6] Sīvaka Sutta, Saṃyutta Nikāya 36.21; PTS S IV 230–231. Перевод с пали Ньянапоники Тхеры: Sivaka Sutta: To Sivaka, Access to Insight (BCBS Edition), редакция страницы 30.11.2013; источник перевода — Buddhist Publication Society. https://accesstoinsight.org/tipitaka/sn/sn36/sn36.021.nypo.html.

[7] Библия. Синодальный перевод. Евангелие от Луки 13:1–5. https://bible.by/syn/42/13/.

Если я выбирал эту жизнь

В моей философии Дух выбирает условия воплощения. Из этого, однако, я не могу вывести причину рождения конкретного человека в конкретной семье: исходного выбора его Духа я не знаю. Между общим пониманием воплощения и сообщением «я знаю, почему ты родился именно здесь и что обязан пережить» лежит вполне определённая граница. Уверенность в первом не даёт мне права присваивать себе второе.

Как связаны Дух, Душа и личность, мы подробно разберём дальше. Сейчас скажу главное: выбранные условия не делают человека виноватым в самом факте своего рождения и не обязывают сохранять всё как есть. Можно родиться в семье с жёсткими правилами и пересмотреть эти правила, когда появится возможность. Начало истории не диктует каждую следующую страницу.

Допустим, ребёнок родился в семье, где взрослые не исполняют своих обязанностей. Даже если рассматривать эту историю через гипотезу предвоплощённого выбора, взрослые продолжают отвечать за свои действия. Гипотеза не даёт им разрешения причинять вред и не делает ребёнка автором их поступков. Иначе слова о духовном опыте использовались бы для вполне земного освобождения от ответственности.

Представим, что перед нами два разных вопроса. Первый: может ли у человека быть более широкая духовная история, чем та, которую он помнит? Второй: кто совершил определённое действие и кто способен его прекратить? Ответ на первый не заменяет ответа на второй. Мы можем размышлять о воплощении, одновременно называя жестокость жестокостью, обман обманом, а помощь помощью. Для этого не требуется предварительно разрешить все вопросы о происхождении Души.

Моя мысль о выбранных условиях предполагает возможность движения внутри них и изменения доступной части жизни. Если же любое стремление выйти из болезненного положения объявить уклонением от опыта, концепция станет противоречить самой себе. Почему поиск выхода не может входить в опыт? Почему развитие должно выражаться именно в продолжении страдания? У утверждения о необходимости терпеть должно быть собственное основание. Само слово «воплощение» его не предоставляет.

Это относится и к образу сложной задачи, которую выбирает опытный участник. Скалолаз может предпочесть трудный маршрут, потому что у него есть навыки и интерес. Но отсюда не следует, что ему запрещено менять способ подъёма, пользоваться страховкой или прекращать попытку при опасности. Образ помогает объяснить интерес к сложности. Он перестаёт помогать, если превращается в требование доказывать свою зрелость любой ценой.

Мы можем допустить, что за некоторыми трудными жизненными задачами стоит опытный Дух. Однако оценить таким способом возраст Духа по биографии я не берусь. И тем более не хочу выстраивать лестницу, на которой более несчастный человек автоматически считается более развитым. В таком случае страдание получило бы новую награду — духовный статус, а благополучие стало бы подозрительным. Нам незачем создавать ещё одну причину держаться за боль.

Ответственность без тотального самообвинения

Отказ считать каждую беду наказанием может вызвать возражение: не снимаем ли мы с человека всякую ответственность? Нет, потому что ответственность требует конкретности. Если я нарушила договорённость, можно назвать её, признать последствия, попытаться исправить сделанное. Если я называю себя виновной во всём устройстве собственной жизни, исправлять приходится уже не поступок, а будто бы сам факт своего существования. Практической ясности в этом мало.

Рассмотрим условную историю. Человек одолжил деньги знакомому, хотя уже знал о нескольких невозвращённых долгах. Знакомый снова не вернул обещанное. Здесь можно исследовать два решения: один человек взял на себя обязательство и нарушил его; другой согласился на риск, несмотря на известные обстоятельства. Признать свой риск полезно для будущих договорённостей. Но риск заимодавца не превращает чужое нарушение в его собственный поступок. За каждым участником остаётся своя часть ответственности.

У каждого участника здесь свой поступок. Поэтому вместо общего «ты сам это притянул» полезнее выяснить, что было известно заранее, какие обязательства существовали, были ли давление или обман. Ответы могут оказаться неприятными обеим сторонам, зато они касаются того, что действительно происходило.

Полезно различать и ответственность за случившееся, и возможность влиять на дальнейшее. Человек не обязан признавать себя причиной чужого решения, чтобы обратиться за помощью, установить границу или изменить собственное поведение. Иногда первый доступный выбор появляется уже после того, как вред причинён. Это не делает предыдущие события его добровольным заказом. Возможность действовать в настоящем имеет ценность сама по себе, без требования сначала обвинить себя в прошлом.

Так я понимаю и переход к другой ветке реальности: меняются доступные решения и действия. После обмана человек может иначе проверять договорённости, прекратить верить новым обещаниям, искать защиту своих интересов. Прошлое от этого не исчезнет, условия следующего шага уже будут другими.

Нужно ли благодарить за боль

Со временем человек может иначе оценить тяжёлый период. Иногда появляется благодарность тем, кто помог, собственным усилиям, неожиданно найденной возможности. Бывает и более сложное чувство: человек ценит то, кем стал, хотя не хотел бы повторения прежних обстоятельств. В этом нет обязательного противоречия. Можно дорожить приобретённым пониманием и одновременно считать причинённый вред недопустимым.

Поэтому я не вижу оснований требовать благодарности к тому, кто обманул, унизил или бросил в трудном положении. Человек вправе прийти к своей оценке прожитого. Если со стороны назначить ему обязательную благодарность, к самому переживанию добавится ещё один долг: нужно правильно относиться к случившемуся, иначе окажешься недостаточно осознанным. Получится, что право на собственные чувства выдают только после их одобрения духовной системой.

Здесь особенно легко увлечься взглядом из будущего. После нескольких удачных перемен прежние события могут выглядеть ступенями единого замысла. Однако проживались они без знания результата. Во время трудного решения человек ещё не знал, кого встретит через год и что станет возможным. Я считаю важным сохранить уважение к этой неизвестности. Позднейшая стройность рассказа не должна превращаться в обвинение тому, кто сейчас ещё не видит выхода.

Можно ли жить, пока ответ не найден

Поиск объяснения порой становится условием для любого дальнейшего действия. Сначала понять, какой урок несёт ситуация, затем разрешить себе из неё выйти. Сначала установить предназначение, затем искать работу. Сначала раскрыть родовую причину, затем перестать участвовать в разрушительном семейном разговоре. Но достаточно ли оснований связывать эти вещи такой очередностью? Для решения многих земных вопросов у нас уже есть доступные сведения, даже если их духовное объяснение остаётся открытым.

Допустим, человеку регулярно задерживают оплату. Он может годами исследовать свои отношения с изобилием, а может одновременно выяснять условия договора, фиксировать задолженность и искать другое место. Здесь нет запрета на внутреннюю работу. Просто она не должна поглотить весь вопрос и оставить без внимания действия тех, кто распоряжается деньгами. Если объяснение устроено так, что работник меняет установки, а обязательства другой стороны исчезают из разговора, стоит проверить само объяснение.

В отношениях та же история. Когда обещание раз за разом нарушается, для разговора об этом достаточно самого нарушенного обещания. Сведения о прошлых воплощениях могут подождать. Иначе получится замечательная духовная конструкция: один человек объясняет, другой терпит, а действующие лица сегодняшней жизни куда-то незаметно исчезли.

Поэтому мой первый вопрос к духовному объяснению вполне земной: что оно позволяет увидеть? Если яснее становятся поступки, мотивы, пределы своих сил — разговор продолжается. Если всякое возражение объявляют сопротивлением личности, ответ уже утверждён, а вопросы принимаются только по согласованию.

Я не предлагаю запретить вопрос «за что?». Иногда за ним стоят действительная вина и потребность исправить поступок. Иногда — протест, который наконец удалось произнести. Иногда — желание, чтобы кто-нибудь увидел тяжесть происходящего. Лучше услышать этот вопрос целиком, чем торопиться сообщать человеку устройство Вселенной. Он, возможно, сейчас спрашивает совсем о другом: есть ли рядом тот, кто не станет немедленно объяснять, почему ему положено страдать.

Я не начинаю историю человека с обвинительного заключения. Если сначала назначить ему долг за сам факт появления, даже безусловная любовь быстро обрастёт условиями погашения. Мне ближе возможность узнавать себя, не считая существование первоначальным проступком.

Глава 2. Что я называю Истоком

Попробуйте сказать за одним столом: «Всё произошло от Бога». Один согласно кивнёт, другой начнёт спорить, третий решит, что речь о религии, от которой он давно ушёл. И только потом может выясниться: первый думал о любящем Творце, второй — о небесном судье, третий — о правилах, которые ему навязывали в детстве. Слова встретились раньше, чем люди поняли друг друга. Со словом «Исток» я хочу избежать хотя бы этой путаницы.

Я буду пользоваться словом «Исток». Так я называю первоначальную основу существования и сознания, из которой происходит разумный Дух. Этой основе я приписываю безусловную любовь. Это моё исходное духовное убеждение, а не ответ сразу на всё. Нам ещё предстоит разобраться, как из общего возникает отдельное, зачем нужен опыт и откуда берётся боль.

Слова «Бог» и «Абсолют» тоже могут появляться в моём изложении. Это не означает, что все их значения в философии и религиях совпадают. Я могу употребить несколько названий для собственной мысли, но из этого не следует, что даосский текст, христианское послание и упанишада описывают совершенно одно и то же. О чужой традиции придётся говорить её словами и учитывать, что она сама утверждает. Иначе мы очень быстро соберём удобную общую религию, которой не было ни у одного из её предполагаемых участников.

Первоначальная основа — это что?

Вопрос о начале можно понимать по-разному. Когда мы спрашиваем, откуда взялся дом, ответ включает строителей, материалы, проект и обстоятельства строительства. Каждая из причин сама имеет историю. Но в разговоре об Истоке вопрос направлен дальше: на то, что делает возможным само существование чего-либо. Это уже философский переход, а не поиск ещё одного участника строительной бригады.

Из самого вопроса о первоначале ещё не получается ответ о его характере. Оно разумно? Ему свойственна любовь? Из него происходит Дух? Каждое следующее положение добавляет к картине новое содержание. В моей философии эти ответы есть, но выводить их все из одного изумления перед существующим миром было бы слишком щедро по отношению к собственным доводам.

Я начинаю с представления об Истоке и дальше проверяю, складываются ли его следствия в связную картину. Особенно там, где хочется сослаться на непостижимость. Она объясняет, почему нам трудно описать высшее, но не делает любое описание удачным. Иначе одинаково прав оказался бы каждый, кто сумел произнести слово «тайна».

Есть и другая сложность. Мы привыкли понимать слово «начало» как первую точку во времени. Было пусто, затем что-то произошло, потом возникло следующее. Когда речь идёт об основании самого существования, эта последовательность уже не очевидна. Если время принадлежит описываемому миру, вопрос «сколько Исток ждал до его появления?» может переносить на первоначальную основу условие, которое мы ещё только пытаемся объяснить. Это не готовое решение загадки времени, а предупреждение о том, как легко незаметно изменить вопрос.

Поэтому происхождение Духа я пока не перевожу в календарь: столько-то времени Исток существовал один, затем появились первые отдельные существа. Мой вопрос другой: как самостоятельное сознание связано с основой своего существования? С него и начнём, не заводя летопись событий, о которых у нас нет летописи.

Когда название становится слишком тесным

Первая глава «Дао дэ цзина» различает высказанное Дао и постоянное Дао, названное имя и постоянное имя. Безымянное связывается с началом неба и земли, именуемое — с множеством вещей. Переводы этих строк различаются. Для нашего разговора здесь важна трудность самого называния: мы дали первоначалу имя, но охватили ли этим то, о чём говорим?[8]

Для моей мысли здесь полезна сама дистанция между именем и тем, что им назвали. Но Дао не становится от этого Истоком моей системы. В первой главе «Дао дэ цзина» нет моей последовательности Духа, Души и воплощения. Древний текст ставит передо мной языковую трудность: удачное название ещё не означает, что предмет уместился в определение.

С названием «Исток» происходит то же самое. Оно помогает удерживать представление о происхождении, но приносит с собой образ воды. У реки есть место, откуда она вытекает; русло находится ниже; исток можно найти на карте. В духовном рассуждении эта картинка может оказаться слишком буквальной. Я не указываю географическую точку, в которой хранится запас божественного вещества, а затем разливается по отдельным существам.

Без образов разговор тоже не пойдёт: будем объяснять одну отвлечённость тремя другими. Пусть образ работает, но в пределах своей задачи. Источник помогает говорить о происхождении, свет — о проявлении. Как только мы начинаем вычислять у Истока объём резервуара, сравнение уже увело нас в чужой вопрос.

Эзотерическое объяснение легко выдать за техническую инструкцию: энергия разделилась, частота повысилась, плотность изменилась. Читаешь — будто перед тобой отчёт измерений. А кто измерял, чем и какую именно величину? Ответа может не быть. Пользоваться такими словами как образами допустимо. Брать взаймы авторитет физики, не предъявляя её методов, — уже другая история.

Словами «энергия любви» я передаю характер связи: существование другого не должно нуждаться в постоянном оправдании полезностью. Это язык моей духовной философии. Его ясность зависит от того, что я говорю об отношении Истока к Духу, а не от сходства слова «энергия» с термином из учебника физики.

[8] «Дао дэ цзин», гл. 1. Перевод James Legge, The Tâo Teh King (1891), электронная публикация Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Lao/taote.1.1.html . Русское изложение — смысловой пересказ по английскому переводу.

Одно и многое

В «Чхандогья-упанишаде» есть рассуждение, с которым полезно сопоставить вопрос об общем происхождении. В шестом разделе, 6.2.1, говорится о первоначальном сущем, едином без второго; рядом приводится иная позиция — о происхождении сущего из несущего. В следующем фрагменте, 6.2.2, эта иная позиция оспаривается: ставится вопрос, как сущее могло возникнуть из несущего, и вновь утверждается первоначальность сущего. [9]

Здесь приходится различать голоса внутри текста. Сначала излагается одна возможность происхождения, затем она оспаривается. Если выписать только удобную строку, в книге окажется как раз тот ответ, против которого направлен следующий шаг рассуждения. Древний автор может возразить нам даже на соседней странице — если дать ему её договорить.

В 6.2.3 появляется мысль о становлении многим, после чего излагается происхождение огня и воды. Это часть космогонического объяснения самого текста. Оно позволяет поставить рядом два вопроса: как мыслится первоначальное единство и как в нём объясняется множественность? Но в этом фрагменте не сказано, что отдельные Духи выделяются из энергии безусловной любви ради получения земного опыта. Такое положение относится уже к моей модели. [10]

Меня здесь интересует сама трудность: общее начало есть, а разные существа — тоже есть. Как они связаны? Нельзя в одном месте представить Дух полностью отделившимся, чтобы объяснить его свободу, а в другом объявить все различия несущественными, потому что так удобнее ответить на возражение. Между этими представлениями придётся найти связь, а не просто менять их по ходу разговора.

Допустим, человек говорит: «Я часть Истока». В этой фразе пока неясно, что означает часть. Доля вещества? Проявление? Отдельный носитель сознания, происходящий из общей основы? Между этими значениями большая разница. У доли вещества можно спрашивать размер, у проявления — способ проявления, у самостоятельного сознания — отношение к другим сознаниям. Одинаковое слово ещё не даёт одинакового устройства.

Вот что я беру из этого сопоставления для следующего шага: общая основа и самостоятельность опыта требуют совместного объяснения. Просто объявить всё единым легко. Труднее понять, почему тогда у отдельного существа есть собственное «я», своя история и возможность не совпадать с другим.

---

[9] Chāndogya Upaniṣad 6.2.1–2. Перевод F. Max Müller, The Upanishads, Part I, Sacred Books of the East, vol. 1 (1879), в электронной публикации: https://upanishads.org.in/u/chhandogya/p/6.2.1 и https://upanishads.org.in/u/chhandogya/p/6.2.2.

[10] Там же, 6.2.3: https://upanishads.org.in/u/chhandogya/p/6.2.3.

Происхождение без расходования

У Плотина в трактате V.2 «Эннеад» первоначальное Единое описывается как источник всего, который нельзя просто отождествить с совокупностью происходящих от него вещей. Далее изложено происхождение Ума, а затем Души; для передачи полноты используется образ излияния. Причём образ не означает обычного перемещения жидкости: в этом же рассуждении происхождение рассматривается вне пространственного разделения. [11]

В V.1.6 Плотин не предлагает представить такое рождение обычным событием во времени, при котором первоначало изменилось и потеряло часть состава. У него речь о причинном отношении и порядке начал. Это позволяет задуматься о происхождении без материального отрезания. Но Единое, Ум и Душа принадлежат его системе: подставить вместо них мои Дух и Душу и сохранить прежний смысл не получится.[12]

У Плотина объяснение происхождения перестаёт быть задачей о расходе вещества. Отсюда полезный вопрос к моей модели: когда я говорю «выделяет часть», какую зависимость описываю? Если происхождение духовное, складская арифметика к нему не подходит. Если же я всё-таки представляю отрезанный кусок, придётся признать и последствия такого сравнения.

Образ свечи, от которой зажигают другую свечу, может передать возникновение нового без простого деления одного пламени на куски. Но он тоже ограничен: свечам нужны топливо и кислород, они горят во времени и могут погаснуть. Нельзя взять только удобную сторону образа и объявить, что теперь устройство Духа объяснено. Аналогия позволяет наметить мысль, а дальше всё равно требуется определить, какие её свойства мы переносим в рассуждение.

Итак, говоря об Истоке, я имею в виду происхождение без материального расчленения. Это уточнение понадобится дальше: отдельный Дух должен получить собственную историю, а первоначальная основа — сохранить смысл основания, не превратившись в запас, который постепенно разобрали по частям.

---

[11] Plotinus. Enneads V.2.1–2; V.1.6. Перевод Stephen MacKenna и B. S. Page, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Plotinus/enneads.5.fifth.html.

[12] Plotinus. Enneads V.2.1–2; V.1.6. Перевод Stephen MacKenna и B. S. Page, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Plotinus/enneads.5.fifth.html.

Почему именно любовь

Теперь возникает более трудный вопрос. Назвать первоначальную основу ещё можно без указания её отношения к человеку. Но как только появляется слово «любовь», мы приписываем ей определённое качество. На каком основании? Из понятия первоначала оно автоматически не выводится. Это моё духовное убеждение, которое я считаю нужным назвать прямо, а затем рассмотреть его смысл и трудности.

В человеческой речи любовь связана с переживаниями и отношениями. Мы любим кого-то, хотим быть рядом, заботимся, можем ревновать и бояться потери. В таком опыте переплетаются чувства, ожидания и поступки. Когда я говорю о безусловной любви Истока, я не имею в виду, что у первоначальной основы в увеличенном масштабе происходит весь этот знакомый нам внутренний разговор. Иначе мы просто построили бы очень большого человека и наделили его бесконечной властью.

Безусловная любовь — основание связи, а не премия за удачную биографию. Дух происходит из Истока до земного становления личности. Поэтому его принадлежность нельзя выдавать за оценку правильности уже совершённых поступков. Иначе возникнет странный порядок: человеку сначала позволили существовать, а потом предложили заслужить основание существования.

В Первом послании Иоанна содержится известное утверждение «Бог есть любовь» (1 Ин 4:8, 16). Его контекст вполне определённый: любовь Бога раскрывается через послание Сына; речь идёт также о взаимной любви людей и несовместимости заявления о любви к Богу с ненавистью к брату. В послании любовь не остаётся только обозначением приятного внутреннего состояния. Она связана с отношением к другому человеку. [13]

Это сопоставление близко мне по значению любви, но не делает мою концепцию тождественной христианскому учению. В тексте нет основания заменить его собственное содержание общей фразой о космической энергии. Тем более из него нельзя вывести всю модель воплощения, которую я предлагаю. Мы можем увидеть существенный для разговора акцент и всё же признать, что дальше наши объяснения расходятся.

Для моей мысли здесь особенно важен переход от слова к отношению. Если я говорю о любви как первоначальной основе, но обращаюсь с живым человеком как с помехой красивому устройству мироздания, возникает вопрос к моему пониманию любви. Это не способ измерить Исток по земным поступкам. Скорее возможность проверить, что происходит с самим понятием, когда я начинаю им пользоваться.

Безусловная любовь не отменяет различий между поступками. Иначе жестокость и забота получили бы одинаковую оценку только на том основании, что оба действия совершаются существами общего происхождения. Но принадлежность к общей основе и оценка действия относятся к разным вопросам. Можно признавать духовную природу человека, одновременно считать его поступок разрушительным и прекращать отношения, в которых он причиняет вред.

Представление о любви становится очень странным, если из него исчезает право другого существа на отдельное существование. «Я люблю тебя, поэтому ты должен чувствовать то, что мне удобно» — знакомая человеческая подмена. Если перенести её на первоначальную основу, получится Исток, который создаёт отдельное сознание и тут же объявляет самостоятельность ошибкой. Моё понимание воплощения требует гораздо внимательнее рассмотреть отношение единства и индивидуальности.

---

[13] Библия. Синодальный перевод. Первое послание Иоанна 4:7–12, 16, 20–21: https://bible.by/syn/48/4/.

Тогда откуда жестокость?

Пока разговор остаётся на уровне первоначала, понятие любви звучит убедительно. Но у читателя есть полное право спросить, как с ним связана наблюдаемая жизнь. В мире причиняют боль, обманывают, разрушают то, что другие пытаются сохранить. Если всё происходит из общего Истока, почему возможны такие действия? Слово «любовь» само по себе ответа не даёт.

Я могла бы сказать, что с высшего уровня всё хорошо и только человек не видит общей картины. Но такая фраза предполагает, что общая картина уже известна мне. В действительности я изложила бы ещё одно убеждение, причём очень сильное: будто каждая конкретная жестокость необходима для совершенства целого. Я не вижу оснований считать это установленным и не собираюсь прятать подобное утверждение внутри утешения.

Предположение о самостоятельности существ позволяет поставить вопрос иначе. Если Духи и воплощённые люди обладают возможностью выбора, их поступки нельзя без объяснения приравнять к непосредственному намерению Истока. Происходить из первоначальной основы и безошибочно выражать её природу — разные утверждения. Умение выбирать включает возможность причинять вред, но само указание на выбор ещё не объясняет, почему возможен именно такой масштаб вреда и почему его последствия распределены столь неравномерно.

Это существенный предел ответа. Свобода участников может быть частью обсуждения, однако не завершает его одним предложением. Остаются болезни, природные бедствия, ограниченность тела, последствия столкновения множества существ. Нельзя приписать им всем одинаковый механизм только потому, что мы нашли удобную формулу для межличностного конфликта. Перед нами несколько разных вопросов, требующих различения.

Я сохраняю представление об Истоке как безусловной любви, признавая, что полное объяснение страдания из него пока не получено. Для меня это честнее, чем объявить любую боль доказательством любви, а несогласие с таким объяснением — признаком ограниченности читателя. Здесь остаётся философская трудность, с которой предстоит жить и работать. Мировоззрение не становится глубже от того, что его трудности перестали замечать.

Общее происхождение ещё не делает любой поступок хорошим. Иначе слово «хорошо» пришлось бы одинаково применять и к заботе, и к жестокости. Я не собираюсь отказываться от способности замечать, что мы делаем друг с другом, ради гладкого объяснения единства.

Как говорить о том, что нельзя показать

Здесь читатель может спросить, чем вообще отличается духовное убеждение от произвольной истории. Если Исток нельзя предъявить как наблюдаемый предмет, на что опираться? Для начала — на ясность статуса самого утверждения. Я могу описывать своё мировоззрение, приводить доводы, сравнивать его с другими моделями. Но не должна сообщать, будто отсутствие опровержения уже доказывает правильность описания.

Связность тоже имеет пределы. История может быть последовательно устроена и всё же оставаться предположением. Поэтому проверка включает несколько разных задач: не противоречит ли модель сама себе, не подменяются ли понятия по ходу разговора, не приписываются ли чужим текстам отсутствующие в них положения? А когда она касается наблюдаемой жизни, нужно учитывать доступные сведения, даже если они осложняют привычное объяснение.

Личный опыт может быть основанием для духовного убеждения конкретного человека. Но пережить что-либо и окончательно установить его природу — не одно и то же. Описания требуют толкования; разные люди могут по-разному понимать похожие состояния. В этой книге я не буду достраивать нерассказанные духовные встречи или объявлять переживание доказательством только потому, что его описание звучит убедительно. Там, где речь идёт о моей модели, читатель должен видеть именно мою модель.

Признать границы знания — не значит отказаться от духовных вопросов. Можно размышлять о смысле, происхождении сознания, своей связи с тем, что шире земной биографии. Я вправе сказать «я так понимаю» и объяснить почему. Но добавление «это давно известно всем посвящённым» не восполнит того, чего я объяснить не сумела.

Мне также не хочется превращать Исток в ответ на любой пропуск. Почему человек принял решение? Исток. Почему мы встретились? Исток. Почему событие произошло именно сегодня? Снова Исток. Если одно слово одинаково отвечает на всё, возникает риск, что оно ничего конкретного не различает. Представление о первоначальной основе имеет свою задачу. Оно не избавляет нас от изучения характеров, обстоятельств и причин отдельных событий.

С чего начинается связь

В моём мировоззрении связь с Истоком не появляется только после того, как человек узнает о ней правильные слова. Иначе существование духовной природы зависело бы от знакомства с определённой книгой, учителем или системой. Но если Дух происходит от Истока, незнание земной личности об этой концепции само по себе не может изменить его происхождение.

Это важно и для отношения к людям другого мировоззрения. Я могу считать человека частью более широкой духовной целостности, а он может совсем иначе понимать себя. Мне не требуется превращать это различие в разговор о том, кто выше и кому пока недоступна истина. Дальнейшее обсуждение имеет смысл там, где есть готовность уточнять основания, а не только присваивать собеседнику место на собственной лестнице развития.

Общее происхождение не отменяет отдельного голоса. Если всякую разницу немедленно устранять ради единства, зачем понадобилось многообразие опыта? Я понимаю единение как целостность, в которой прожитое сохраняет значение.

Если основа общая, что позволяет Духу иметь собственный опыт и оставаться собой?

Глава 3. Как возникает отдельное «я»

Представить единство легко, пока в нём никто не сказал «я». Но вот отдельное существо осознаёт себя — и начинаются вопросы. Оно стало другим? Перестало принадлежать общему? Обрело собственный взгляд? На первый взгляд спор о словах, а от ответа зависит вся дальнейшая история: кто будет учиться, выбирать, ошибаться и узнавать себя.

В моём понимании Исток выделяет часть собственной энергии — возникает разумный Дух, способный осознавать себя. Он сохраняет связь с первоначальной основой и получает собственный опыт. «Отдельный» здесь означает самостоятельный, а не ушедший туда, где Исток больше не существует. Иначе общая основа вдруг получила бы границу, за которой перестала быть общей.

Меня интересует, как в этой картине появляется тот, кто способен сказать «я». Из Истока происходит разумный Дух, и выражение «часть энергии» ещё не исчерпывает содержания этой мысли. Оно обозначает происхождение; теперь предстоит понять отношение самостоятельного опыта к общей основе.

Кто говорит «я»

Начнём с обычного разговора. Человек сообщает: «Я живу в этом городе», «Я изменил своё мнение», «Я не хочу туда возвращаться». Он пользуется одним словом, хотя говорит о месте жительства, убеждении и желании. Само по себе местоимение не сообщает, что представляет собой говорящий. Оно указывает на него изнутри его собственной речи. Поэтому нельзя доказать какую-либо теорию человека только тем, что человек произносит «я».

И всё же в этом слове заключено важное различие. Рассказать о чьём-то переживании и самому его прожить — не одно и то же. Я могу понимать объяснение другого человека, сочувствовать, узнавать знакомые обстоятельства. Но его опыт не становится моим только потому, что я сумела его описать. Между знанием о переживании и принадлежностью переживания остаётся разница. Именно на неё я обращаю внимание, когда говорю об отдельном носителе опыта.

В духовной модели эту отдельность легко либо преувеличить, либо вообще потерять. В первом случае существо понимается как полностью замкнутое и ни от чего не зависящее. Во втором любой личный опыт объявляется настолько условным, что уже непонятно, кто и что здесь познаёт. Мне ближе представление о различии, которое существует внутри связи. Общее происхождение позволяет говорить о родстве, а отдельность — о том, что опыт каждого не сводится к опыту всех остальных.

Пока речь идёт о Духе до земного воплощения. Нынешнее имя, язык, привычный характер относятся уже к личности, которая формируется здесь. Если заранее перенести их в духовный мир, мы поставим итог земного становления раньше условий, благодаря которым он появился.

Разумный Дух в моём понимании способен познавать и осознавать себя. Это ещё не значит, что он исчерпывающе знает всякий возможный опыт. Иначе непонятно, что вообще может дать ему воплощение. Происхождение из Истока не делает отдельное существо копией всей первоначальной основы.

Огонь и искры

В «Мундака-упанишаде», 2.1.1, происхождение множества существ передано через образ искр, исходящих из пылающего огня. Они подобны огню; так и многообразные существа происходят из непреходящего и возвращаются в него. В этом сравнении соединены общность происхождения и множество проявлений. Текст говорит и об исходе, и о возвращении, поэтому ограничиться только первым движением означало бы обрезать его мысль. [14]

Искры различимы, происхождение у них общее. Образ удерживает эти две мысли рядом. Но устройство сознания, способ воплощения или сохранение индивидуальности при возвращении огонь нам не объяснит. Для каждой такой мысли нужны отдельные основания.

Сравнение быстро обнаруживает свой предел. Искра гаснет; человек в этой книге мыслится существом с продолжающейся духовной историей. Огонь подсказывает образ общего происхождения и множества проявлений, но не отвечает за то, каким образом отдельное сознание сохраняет себя. Эту работу за него придётся сделать нам.

Поэтому и образ части я использую с оговоркой: речь о существе, способном осознавать себя. Дух не просто напоминает Исток. У него есть возможность собственного опыта — прожитого как свой. Именно это я пытаюсь выразить, говоря о возникновении отдельного духовного «я».

Множество искр легко нарисовать, но рисунок не объяснит, что делает каждый Дух именно этим Духом. Расставить огоньки по разным местам — ещё не значит разобраться с индивидуальностью бестелесного существа. Красивый образ здесь помогает задать вопрос и оставляет его без ответа.

[14] Muṇḍaka Upaniṣad 2.1.1. Перевод Sri Aurobindo, CWSA 18, p. 137, в электронной публикации https://upanishads.org.in/u/mundaka/p/2.1.1.

Самоосознание и имя

В «Брихадараньяка-упанишаде», 1.4.1, говорится о первоначальном Атмане в образе пуруши. Он оглядывается, не видит ничего иного и впервые произносит слова, переданные в переводе Макса Мюллера как «Это я». Далее текст связывает это с обычной человеческой речью: человек сначала обозначает себя как «я», а затем сообщает другое своё имя. Перед нами космогоническое повествование, в котором самообозначение появляется раньше отдельного имени. [15]

Мне здесь интересно различие между тем, кто себя обозначает, и тем, как он назван. Оно помогает не смешивать носителя опыта с его описанием. Но нельзя читать эпизод так, будто автор упанишады непосредственно рассказывает о рождении каждого отдельного Духа по моей модели. В тексте на этом месте речь идёт о первоначальном Атмане, а не о готовой совокупности отдельных земных личностей. [16]

Следующий фрагмент, 1.4.2, вводит страх. Он исчезает после размышления об отсутствии иного, от которого могла бы исходить угроза. Это часть движения мысли самого повествования. Из неё не следует практическое правило, будто всякий страх отдельного человека исчезнет, если убедить себя, что других людей не существует. Такой вывод перенёс бы космогонический эпизод в повседневную жизнь, не объяснив самого переноса. [17]

Читая эти строки, я думаю о самоосознании и встрече с другим. В моём понимании общее духовное происхождение не даёт мне права присвоить чужую волю. Другой человек может не согласиться со мной, выбрать иной путь, не захотеть отношений. Единство не избавляет нас от необходимости с этим считаться.

В обычном разговоре имя удобно: с его помощью мы обращаемся друг к другу и связываем события с определённой биографией. Но смена имени сама по себе не означает возникновения нового носителя всей жизни. И наоборот, одно имя не делает двух разных людей одним существом. Это простой пример того, почему обозначение и тождество нельзя принять за одно и то же. В дальнейшем он понадобится нам, когда будем говорить о личности и её изменениях.

Меня в этих фрагментах занимает переход от самоназывания к отношению с другим. Сказать «я» — ещё не значит рассказать всю свою историю; и всё же без этого отдельного места некому было бы вступать в отношения. Мой разговор о Духе начинается именно с возможности собственного опыта, а не с перечня будущих земных черт.

---

[15] Bṛhadāraṇyaka Upaniṣad 1.4.1. F. Max Müller, The Upanishads, Part II, Sacred Books of the East, vol. 15 (1884). Электронный текст: https://upanishads.org.in/u/brihadaranyaka/p/1.4.1.

[16] Bṛhadāraṇyaka Upaniṣad 1.4.1. F. Max Müller, The Upanishads, Part II, Sacred Books of the East, vol. 15 (1884). Электронный текст: https://upanishads.org.in/u/brihadaranyaka/p/1.4.1.

[17] Там же, 1.4.2: https://upanishads.org.in/u/brihadaranyaka/p/1.4.2.

«Часть» не всегда означает осколок

В пятнадцатой главе «Бхагавадгиты», стих 7, живое существо связано с божественным через слово aṃśa, переводимое как часть или доля, и названо вечным. Для понимания этого места существенно не только значение отдельного слова, но и вопрос о том, как мыслится отношение индивидуального существа к божественному. В переводе и комментарии А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады подчёркнуты вечность индивидуальности и нематериальный смысл «части»: речь не о куске, который физически отрезали. [18]

Здесь нужно отдельно назвать источник толкования. Комментарий Прабхупады представляет определённое религиозное прочтение; его нельзя выдать за нейтральное объяснение, обязательное для всех школ. В нём также говорится о служении и обусловленности живого существа. Поэтому было бы неверно взять только утверждение о нематериальной части и объявить весь текст подтверждением моего понимания воплощения. [19]

Разница с моим описанием появляется на слове «возникает». В прочитанном комментарии к «Гите» индивидуальность вечна. Я говорю о происхождении Духа из Истока. Если склеить оба положения одним образом части, останется незамеченным главный вопрос: имеет ли отдельное сознание начало или мыслится вечным? Здесь сходство помогает поставить проблему, но не решает её за меня.

Когда я говорю «возникает», я обозначаю происхождение Духа от Истока. Как соотносится такое происхождение со временем, мы пока не установили. Я не предлагаю календарной истории духовного мира, где можно пронумеровать дни рождения всех Духов. Здесь остаётся открытым философский вопрос: означает ли происхождение обязательно начало во времени или речь должна идти о зависимости существования от первоначальной основы? Нельзя решить это только привычным значением глагола.

В моей картине отдельность означает собственную перспективу и опыт при сохраняющейся связи с Истоком. Полный разрыв лишил бы эту связь содержания; полное исчезновение различий лишило бы содержания познание себя. Именно между этими двумя крайностями мне и нужно удержать разумный Дух.

---

[18] Bhagavad-gītā 15.7. Перевод и комментарий A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupāda, Bhagavad-gītā As It Is, VedaBase: https://vedabase.io/en/library/bg/15/7/.

[19] Bhagavad-gītā 15.7. Перевод и комментарий A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupāda, Bhagavad-gītā As It Is, VedaBase: https://vedabase.io/en/library/bg/15/7/.

Отдельность ещё не делает нас соперниками

Как только мы начинаем говорить об отдельных существах, легко добавить к различию знакомую борьбу за место. Один выше, другой ниже; один ближе к Истоку, другой отстал; один имеет право вести, другой обязан слушаться. Но сама мысль об индивидуальности ещё не содержит такой лестницы. Для неё потребуется дополнительное основание, а не просто факт, что существуют разные Духи.

Отдельность Духа открывает возможность собственного опыта. Поэтому я не считаю её проступком против единства. Сказать «я» и решить, будто остальные не имеют значения, — разные шаги. Ошибка во втором не делает первый ненужным.

Это различие важно и для земной речи об эго. Если любое употребление «я хочу», «мне больно», «я не согласен» объявлять духовной ошибкой, у человека почти не останется языка для собственного опыта. Но местоимение не сообщает о нравственном качестве желания. «Я хочу, чтобы меня оставили в покое» и «я хочу распоряжаться другим человеком» одинаково начинаются со слова «я», а дальнейшее содержание требует разных оценок.

Можно быть отдельным существом и признавать отдельность другого. Более того, без такого признания трудно понять сам смысл отношений. Если второй участник заранее сводится к роли в моей истории, его ответы имеют значение лишь постольку, поскольку подтверждают мои ожидания. Тогда я общаюсь преимущественно с собственным представлением. Признание общего происхождения должно оставлять место встрече с тем, кто действительно способен ответить иначе.

Индивидуальный опыт предполагает многообразие. Но различие само по себе ещё не оценка поступка: интересы могут расходиться, ошибка требовать исправления, жестокость — прекращения. Уважать отдельного участника и соглашаться со всем, что он делает, — разные отношения к нему.

Разумный Дух и земная личность

Здесь особенно легко незаметно подменить одно понятие другим. Мы спрашиваем о Духе, а отвечаем привычным описанием характера: общительный, замкнутый, ревнивый, добрый, вспыльчивый. Затем сегодняшний характер переносится в духовный мир и объявляется вечной характеристикой существа. Но такая операция требует основания. По моей исходной модели личность формируется в земной жизни, поэтому её конкретное содержание нельзя просто объявить готовым до воплощения.

Это не означает, что Дух понимается как совершенно безразличная пустота. Я говорю о разумном существе с возможностью собственного познания. Однако описывать его уникальность через перечень сегодняшних привычек было бы преждевременно. Нам предстоит отдельно разобрать, что в земном человеке связано с обстоятельствами формирования личности, а что предполагается частью более широкой духовной истории. Назвать второе можно, но установить его содержание значительно труднее.

Представим человека, который говорит: «Я всегда был таким». В житейском разговоре обычно имеется в виду известная ему часть жизни. В духовном изложении слово «всегда» может незаметно расшириться до бесконечности: такой характер был во всех воплощениях и принадлежит самой природе Духа. Это уже совершенно другое утверждение. Между ними нельзя поставить знак равенства только потому, что говорящий искренне узнаёт себя в привычном описании.

Земная личность даёт этому существованию конкретный способ участия. Поэтому, рассказав о Духе, нельзя затем убрать её как несущественную оболочку. Вместе с ней исчезнет именно тот опыт, ради которого мы начали разговор о воплощении.

Поэтому и вопрос «кто сейчас говорит?» я понимаю через целостного человека. В обычной беседе нам не требуется перед каждой фразой определять, какой уровень получил право голоса. Говорит человек со своей историей, телом, чувствами, мыслями и предполагаемой духовной связью. Различение уровней нужно для понимания, а не для создания внутренней комиссии, которая будет бесконечно выяснять, достаточно ли духовно прозвучало каждое предложение.

Различие между «мне принадлежит» и «мною исчерпывается»

Собственный опыт имеет особое значение для того, кто его проживает. Но признать это — не значит объявить свой взгляд исчерпывающим описанием события. Допустим, два человека участвовали в одном разговоре. Один считал, что объясняет свою позицию, другой услышал давление. Разобраться можно, только учитывая и намерение, и произнесённое, и ответ. Одного утверждения «я именно так почувствовал» недостаточно, чтобы установить все обстоятельства.

С другой стороны, ссылка на ограниченность личного взгляда не даёт права просто вычеркнуть переживание собеседника. Он мог ошибиться в объяснении чужого намерения и всё же действительно испытать боль. Здесь есть два разных предмета разговора: что он пережил и почему произошедшее получило такую оценку. Если смешать их, спор быстро зайдёт в тупик: либо чувство станет доказательством любого объяснения, либо сомнение в объяснении будет принято за отрицание самого чувства.

Я привожу этот земной пример не как доказательство устройства Духа. Он помогает яснее понять смысл отдельной перспективы. В моей духовной модели Дух получает собственный опыт; это ещё не означает, что любой отдельный взгляд охватывает целое. Общность происхождения не делает каждое личное суждение голосом Истока. Если забыть это различие, человек сможет объявить абсолютной истиной первое же убеждение, которое кажется ему внутренне убедительным.

Поэтому ощущение связи и знание конкретного намерения Истока требуют разного разговора. Первое принадлежит внутреннему опыту. Второе уже претендует объяснить, что должно происходить, — иногда и в чужой жизни. Между ними нельзя перескочить только потому, что ощущение было сильным.

Почему происхождение не отменяет становления

Вопрос о возникновении Духа связан ещё с одной привычной путаницей: будто происхождение уже полностью определяет то, что будет происходить дальше. Если Дух связан с любовью Истока, значит, у него сразу должны быть безупречные решения; если у человека предполагается духовная природа, он якобы обязан всегда понимать себя. Но тогда развитие становится только демонстрацией заранее завершённого результата. Что в нём действительно приобретается, остаётся неясным.

В моём понимании происхождение задаёт связь с первоначальной основой, а опыт позволяет познавать себя в разных проявлениях. Эти положения нужно рассматривать вместе. Умение познавать не тождественно обладанию каждым конкретным знанием; возможность выбора — уже готовому выбору; духовное родство — одинаковой истории. Нельзя вывести содержание всей жизни из одного утверждения о её начале.

Здесь я различаю знание о возможности и прожитое событие. Можно представлять себе любовь, но ещё не любить этого человека. Можно понимать, что такое выбор, и всё-таки впервые выбирать в обстоятельствах, где сталкиваются дорогие тебе вещи. Если опыт что-то даёт Духу, это различие заслуживает внимания.

При этом мне не подходит картина, в которой наверху собирают результаты, а внизу кто-то безропотно поставляет переживания. Земной человек — тот же Дух в воплощении, со своей нынешней мерой памяти и понимания. Почему при таком единстве всё же возникает ощущение использования, мы разберём отдельно. Пока стоит заметить сам источник трудности: боль ощущается сейчас, а объяснение её места в целом предлагают принять на веру.

Начало собственной истории

Для меня возникновение отдельного «я» означает появление возможности собственного познания при сохранении связи с Истоком. Это не даёт права объявить Дух материальным осколком, самостоятельность — духовным преступлением, а нынешний характер — вечным паспортом существа. Каждое из таких добавлений меняет исходную модель и потому требует отдельного разбора.

Способность к собственному опыту ещё не объясняет, зачем он нужен. Что даёт Духу прожитое — помимо того, что можно было бы узнать из готового объяснения?

Глава 4. Зачем Духу опыт

Человек может прекрасно объяснить, как нужно поступать, а потом оказаться в ситуации, где собственное объяснение ему почти не помогает. Он знает, что следует уважать чужой выбор, но мучительно переживает отказ. Уверенно рассуждает о честности, пока правда не начинает угрожать удобному положению. Советуя другим, легко находит нужные слова; для собственного решения ему приходится собираться с силами. Здесь встречаются разные стороны знания, которые мы часто называем одним словом.

Если Дух происходит из Истока, зачем ему чему-то учиться? Неужели нельзя было сразу получить необходимые знания? Вопрос вполне разумный. Только за ним часто стоит представление об опыте как о передаче сведений: чего-то не знал, тебе рассказали, теперь знаешь. Но знание о жизни и прожитая жизнь всё-таки дают нам разное.

Я понимаю воплощение как возможность узнать себя в действии и переживании. Сведения о событии можно передать. Но нельзя прожить за человека его отношение к случившемуся, принять все решения, а потом вручить результат: вот, это теперь твоя жизнь. В моём представлении об опыте существенно именно то, что происходит с самим живущим.

Знать о чём-то, пережить и суметь

Представим человека, который собирается играть на музыкальном инструменте. Он изучил устройство, знает названия нот, понимает, как читается партитура. Это имеет значение: ему не придётся заново угадывать всё, что уже объяснили другие. Но теперь нужно сесть за инструмент. Пальцы не обязаны сразу выполнить то, что человек так хорошо описывает словами. Знание устройства и умение играть отвечают на разные вопросы, хотя в работе они связаны.

Бывает и так: ноты освоены, произведение сыграно правильно, но однажды музыкант впервые слышит в нём то, чего прежде не замечал. Партитура та же, а встреча с ней другая. Здесь рядом существуют знание устройства, умение действовать и собственное переживание. Ни одно из них полностью не заменяет остальных.

В отношениях это особенно заметно. Можно правильно перечислить признаки заботы. А когда близкому нужна помощь, всё равно придётся решить: что я сделаю, сколько времени могу отдать, с чем не справлюсь? Человек узнаёт и другого, и себя через поступок, который что-то меняет для них обоих.

Вот это различие мне и нужно для разговора о воплощении. Сведения сообщают, что возможно. Участие показывает, как я сама поступаю внутри этой возможности и что узнаю о себе. Нельзя заранее прочитать о собственной встрече с человеком так, чтобы встреча уже состоялась.

При этом сведения вовсе не бесполезны. Чужой опыт, обучение, предупреждение об опасности позволяют не повторять множество ошибок. Было бы странно говорить о духовном развитии и требовать, чтобы человек непременно проверял каждое разрушительное действие на себе. Между собственным переживанием и чужим объяснением нет обязательной вражды. Они могут дополнять друг друга, если мы понимаем, какую задачу решает каждое.

Становление через действие

Во второй книге «Никомаховой этики» Аристотель различает способность и её осуществление, а также рассматривает формирование нравственных качеств через деятельность. Строителями становятся, строя, музыкантами — играя; сходным образом он говорит о справедливых и мужественных поступках. Вопрос касается становления человека, а не простого запоминания определения добродетели. [20]

А затем, во второй книге, главе 4, Аристотель усложняет собственный ответ. Недостаточно сделать то, что внешне выглядит справедливым. Важны знание, выбор поступка ради него самого и устойчивость характера. Получается двойное движение: качество формируется в действии, но судить о нём по одному подходящему действию рано. Иначе безупречный жест на публике пришлось бы принять за готовую добродетель. [21]

Для моей темы это меняет вопрос о количестве опыта. Можно много раз помочь человеку из страха отказать и так и не понять, где заканчивается забота и начинается покупка одобрения. Повторение даст привычку; понимание потребует увидеть, что движет поступком. Потому фраза «я столько пережила» ещё не говорит, что именно я в пережитом узнала.

Представим, что подруга просит одолжить деньги. Сумма есть, но она отложена на собственные обязательства. До просьбы легко было считать себя щедрой; теперь надо решить, чем именно готова поделиться. Дать часть, помочь другим способом, отказать? Какой бы ответ ни получился, он покажет о человеке больше, чем одно приятное определение себя.

Я не свожу этот опыт к проверке «щедрая или жадная». В нём встречаются дружба, ответственность, страх испортить отношения, собственные нужды. Иногда самый новый для человека поступок — спокойно назвать сумму, которую он действительно может дать, вместо того чтобы пообещать больше и потом злиться. Узнать себя здесь означает увидеть, что именно руководило решением.

---

[20] Aristotle. Nicomachean Ethics, II.1 и II.4 (1103a–1103b; 1105a–1105b). Перевод W. D. Ross, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Aristotle/nicomachaen.2.ii.html.

[21] Aristotle. Nicomachean Ethics, II.1 и II.4 (1103a–1103b; 1105a–1105b). Перевод W. D. Ross, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Aristotle/nicomachaen.2.ii.html.

Вспомнить или приобрести?

В «Меноне» Сократ предлагает иное объяснение: бессмертная душа многократно рождалась и уже познала существующее, а обучение представляет собой припоминание. Это связано с трудностью поиска: как узнаешь найденное, если совсем не знаешь того, что ищешь? В разговоре с мальчиком-рабом предлагается геометрическая задача, через которую Сократ показывает своё понимание познания.[22]

В эпизоде с геометрией важно и то, что первая уверенность мальчика оказывается ошибочной. Он предлагает ответ, вопросы обнаруживают затруднение, и только затем поиск движется дальше. Сократ связывает это с припоминанием; для моего рассуждения интересен сам переход от уверенного ответа к признанному незнанию. Моя концепция придаёт опыту возможность нового раскрытия себя, тогда как здесь познание объясняется уже имеющимся знанием души. Эти ответы расходятся именно в том, откуда берётся найденное. [23]

Вспомнить известное правило, освоить движение и по-новому понять старый разговор — разные события. Тем более память об исходном замысле и способность узнавать себя через опыт не обязаны быть одним знанием. Поэтому моё представление о намеренном незнании не требует объявить человека лишённым любых способностей. Я говорю о недоступности земной личности готового духовного объяснения, для чего она пришла. Это условие ещё оставляет множество способов учиться.

Если всякую удачную догадку назвать воспоминанием Духа, я потеряю возможность отличать её от обучения и пересмотра ошибки. Но и образ совершенно пустого хранилища мне не подходит: разумная Душа участвует в опыте, а не просто принимает запись. Для меня здесь важнее способность узнавать себя в действии, чем попытка заранее перечислить всё довоплощённое знание.

Происхождение Духа из Истока не означает, что собственная история Духа уже завершена. В моей философии воплощение как раз даёт ей продолжение. Разумность позволяет участвовать и понимать; она не отменяет разницы между возможностью любить и конкретной любовью, которую ещё предстоит прожить.

---

[22] Plato. Meno, 80d–86c, в особенности 81a–d и геометрический разговор 82b–85b. Перевод Benjamin Jowett, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Plato/meno.html.

[23] Plato. Meno, 80d–86c, в особенности 81a–d и геометрический разговор 82b–85b. Перевод Benjamin Jowett, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Plato/meno.html.

Разные условия раскрывают разные возможности

Если опыт состоит только в получении сведений, условия его прохождения можно было бы считать внешней упаковкой. Но участие меняет отношение к условиям: от них зависит, какие возможности вообще открываются. Умение договариваться имеет смысл там, где есть несколько воль. Забота проявляется в отношении к тому, чьё положение требует внимания. Творчество получает конкретное выражение через материал, задачу и возможности самого создающего.

Возьмём простой пример с изготовлением вещи. Человек задумал игрушку, выбрал материал, попробовал сделать форму и увидел, что задумка ведёт себя иначе, чем на рисунке. Бумага или вата требуют своего обращения. Можно раздражаться, отказаться от работы, изменить приём или вообще найти образ, которого не было в первоначальном плане. Здесь ограничения материала участвуют в процессе: благодаря работе с ними возникает определённый результат и определённое умение.

Но отсюда не следует, что чем хуже материал и неудобнее условия, тем ценнее работа. Иногда подходящий инструмент позволяет сделать то, что прежде не получалось. Иногда помощь другого человека сохраняет интерес, который иначе был бы потерян. Ограничение имеет значение внутри конкретной задачи. У него нет всеобщей ценности только потому, что оно затрудняет жизнь.

Дух выбирает условия в связи с опытом, который предстоит открыть. Условия ещё не содержат готового ответа личности на каждое событие. Отсюда и интерес воплощения: возможность становится собственной историей через участие человека, а не через воспроизведение уже выполненного решения.

При этом человек не обязан понимать все предполагаемые основания своего рождения, чтобы действовать. Духовное объяснение может оставаться предметом размышления, а доступные условия — предметом работы. Там, где есть возможность учиться, выбирать окружение, менять отношения или просить поддержки, эта возможность также входит в земной опыт. Условия не являются священной неприкосновенностью только потому, что названы выбранными.

Не только преодоление

В разговоре об опыте легко возникает перекос: значительным считается только то, что далось тяжело. Тогда счастливая жизнь выглядит подозрительно лёгкой, а удовольствие — отвлечением от настоящей работы. Человек будто должен отчитаться перед самим собой, почему позволил себе спокойный день, если мог бы посвятить его очередному исправлению своей природы.

Мне такое понимание не близко. Я рассматриваю воплощение как возможность познавать себя в разных проявлениях. Тогда радость, интерес, нежность, увлечённость тоже имеют содержание. Через них человек узнаёт, к чему тянется, что способен создавать, как переживает близость и что хочет сохранить. Для духовного смысла жизни не требуется, чтобы каждое ценное открытие обязательно было оплачено бедой.

В «Тайттирия-упанишаде», 2.7, присутствует иной, чем привычная речь об испытаниях, акцент. В переводе Шри Ауробиндо говорится о радости или блаженстве, связанном с основанием существования и поддерживающем жизнь. В том же фрагменте рассматривается обретение опоры в невидимом и неопределимом и отношение этого к страху. Это часть учения самого текста, а не инструкция о том, как постоянно испытывать приятные эмоции. [24]

Для нашего сопоставления важно, что речь о духовной основе не исчерпывается перечислением лишений. Но из этого отрывка нельзя вывести равенство метафизического блаженства и любого земного удовольствия. Содержание термина требуется читать в контексте. Я обращаю внимание на возможность разговаривать о полноте существования, не делая страдание единственным признаком его серьёзности. [25]

Земная радость может быть вполне обыкновенной. У человека получилось то, что долго не удавалось. Он провёл время с близким, не пытаясь никого исправлять. Увидел красивую вещь, захотел сделать собственную, начал пробовать. В моей картине мира такие моменты не нужно оправдывать тем, что они подготовят к более трудному испытанию. У них есть собственное переживаемое содержание.

При этом я не предлагаю превратить удовольствие в единственный критерий выбора. Сиюминутное облегчение и то, что человек действительно хочет поддерживать в своей жизни, могут расходиться. Иногда важное дело требует усилий, иногда привычное приятное действие мешает другим намерениям. Разобраться можно, если смотреть на поступок и его последствия. Одного ярлыка «позитивная энергия» для этого недостаточно.

---

[24] Taittirīya Upaniṣad 2.7. Перевод Sri Aurobindo, CWSA 18, p. 221, электронная публикация: https://upanishads.org.in/u/taittiriya/p/2.7.

[25] Taittirīya Upaniṣad 2.7. Перевод Sri Aurobindo, CWSA 18, p. 221, электронная публикация: https://upanishads.org.in/u/taittiriya/p/2.7.

Зачем нужны другие

Если мыслить воплощение исключительно как личный сбор переживаний, другие люди быстро превратятся в поставщиков материала. Этот нужен, чтобы меня поддерживать, тот — чтобы разочаровать, третий — чтобы чему-то научить. В такой картине за каждым закреплена функция в моей истории, а вопрос о его собственной жизни почти не возникает.

Но общая основа не отменяет отдельности участников. Собеседник тоже познаёт себя и живёт свою жизнь. Если я услышу в нём только очередной урок для меня, разговор быстро обеднеет: другой останется на месте, но я буду занята исключительно собой.

Здесь можно увидеть особую сторону познания. Пока я одна решаю за всех, какой должна быть встреча, я исследую преимущественно собственный замысел. Реальные отношения начинаются там, где ответ другого способен изменить происходящее. Он может поддержать, возразить, предложить то, чего я не предусмотрела. Тогда возникает необходимость слушать, уточнять и иногда отказываться от первоначальной уверенности.

Для такой встречи не обязательно устраивать конфликт. Два человека могут делать общее дело, обсуждать интересующий вопрос, вместе осваивать что-то новое. Различие их взглядов уже создаёт возможность опыта. Поэтому нельзя вывести необходимость вражды из самого существования нескольких воль. Разногласие, сотрудничество и насилие не являются взаимозаменяемыми способами сказать одно и то же.

Когда опыт ещё не стал пониманием

У слова «опыт» есть обманчивое удобство: кажется, будто количество пережитого автоматически сообщает, сколько человек понял. Но из того, что событие состоялось, ещё не видно, какой вывод был сделан. После отказа можно решить, что предложение было неподходящим, что нужно изменить способ разговора или что отказывать мне не имеет права никто. Событие одно, направления осмысления различаются.

Фраза «это тоже опыт» может быть началом разговора. Концом она становится слишком часто. Что я поняла? В чём ошиблась? Что теперь сделаю иначе? Если после этих слов ничего не меняется даже в понимании случившегося, мы просто дали неприятности утешительное название.

А можно несколько лет выращивать рассаду одинаковым способом и каждый раз терять часть растений. Утешать себя, что опыт накапливается, или начать замечать различия: что изменилось в поливе, свете, почве? Само повторение сезона ещё не даёт нового понимания. Оно появляется, когда человек учится видеть то, чего раньше не учитывал.

В этом примере есть полезное для нашей темы различие: событие можно прожить, а можно ещё и чему-то научиться в самом проживании. Количество повторений не сообщает автоматически, что именно стало понятнее. По той же причине годы трудностей сами по себе не служат мерой духовного знания.

Не всякое изменение обязано сопровождаться красивой формулировкой. Иногда человек просто начинает иначе поступать там, где прежде не видел выбора. Отказывается обещать то, чего не сделает. Говорит о потребности, которую привык скрывать. Позволяет другому не согласиться. Такое изменение может выглядеть скромно, зато в нём появляется определённое содержание, по которому вообще можно обсуждать развитие.

Для кого происходит познание

Кто тогда получает опыт? Дух и земной человек здесь не два посторонних участника с разными задачами. Человек целый: Дух, Душа, тело и личность. А опыт раскрывает это целое через конкретную жизнь. Поэтому вопрос о получателе сразу ведёт к вопросу о ценности самого проживания.

Я не хочу обсуждать духовное приобретение так, будто земное переживание можно вычеркнуть из оценки. Если личность страдает, недостаточно сказать, что где-то в более широкой перспективе это кому-то полезно. Нужно понять, что означает целостность, как соотносятся интересы и как сохраняется возможность земного выбора. Эти вопросы будут отдельно рассмотрены в разделе о Душе как предполагаемом паразите.

Здесь появляется серьёзная трудность: личность может переживать свою роль как обслуживание чужой цели. Одна фраза о единстве эту трудность не снимает. Но пока заметим, что в самой постановке опыта уже есть развилка: человек узнаёт себя — или от него требуют поставлять переживания тому, чьи интересы важнее его жизни. Позже именно это различие станет центром спора о паразитировании.

Есть и вопрос об Истоке. Если Дух познаёт себя, означает ли это, что первоначальной основе недостаёт знаний? Я не считаю, что такой вывод следует автоматически. Приобретение отдельного существа и полнота первоначальной основы — разные предметы рассуждения. Но точное отношение между ними ещё нужно определить. Фраза «Исток познаёт себя через нас» может стать частью духовной концепции, однако сама по себе не объясняет, что именно меняется и для кого.

Поэтому сейчас я говорю о стремлении Духа к собственному опыту и познанию, не приписывая Истоку нужду в пополнении информации. Это позволяет не превращать первоначальную основу в наблюдателя, которому понадобилось больше впечатлений. Вопрос о смысле возникновения множества существ остаётся более широким, чем вопрос о том, что приобретает отдельный участник жизни.

Воплощение как возможность

Для моей модели существенен интерес к проявлению: как можно быть, что можно пережить, какие отношения создать, что понять в действии. Это не требует сводить существование к обязательному исправлению дефекта. Если в основании мыслится безусловная любовь, нужно хотя бы рассмотреть возможность развития, которое начинается с интереса и раскрытия способностей, а не только с недовольства собой.

Ребёнок берётся рисовать кошку, потому что ему интересно, как она свернулась на подоконнике. Взрослый на тех же занятиях может думать совсем о другом: не выглядеть бездарным рядом с остальными. У обоих не сразу получается рисунок. Но один пробует ещё линию, а другой уже защищает право вообще держать карандаш. В духовном развитии отношение к ошибке бывает устроено не менее сложно.

Радость в такой картине не ждёт, пока человек закончит всю внутреннюю работу. Любовь, интерес, удовольствие от найденного решения уже входят в то, ради чего я считаю воплощение ценным. Было бы странно прийти за жизнью и разрешить себе жить только после последнего сданного урока. К тому времени учебная часть наверняка придумает ещё один.

Глава 5. Дух, Душа, тело, личность

Можно согласиться с тем, что человек сложнее своего тела, и при этом совершенно поразному понимать, из чего складывается эта сложность. Кто-то назовёт Душой всё внутреннее, Духом — силу характера, а личностью — привычное поведение. Другой отнесёт те же слова к самостоятельным существам. Разговор станет особенно интересным, когда оба начнут уверенно объяснять, что именно происходит после смерти. К этому моменту они уже будут пользоваться разными схемами, хотя словарь останется почти одинаковым.

Моё понимание такое: Дух происходит из Истока и остаётся в духовном мире. Он выделяет часть своей энергии — Душу, разумную энергию, которая воплощается в теле и набирает опыт. Личность формируется в земной жизни: у неё появляются привычки, убеждения, знакомые способы чувствовать и действовать. Всё это вместе и есть человек. Когда я говорю о многомерности, я имею в виду эту целостность.

Представим теперь совсем обычный спор. Человек говорит: «Я этого хочу», — и тут же поправляет себя: «Наверное, это личность, а Душа хочет другого». Откуда он узнал, кому принадлежит желание? Четыре названия ещё не объясняют, что с ним происходит. Если рассадить их по разным кабинетам и начать разыскивать начальника, вместо понимания человека получится маленькое учреждение с вечным перенаправлением обращений.

Четыре понятия отвечают на разные вопросы

Эти понятия помогают отвечать на разные вопросы. О духовном происхождении — Дух и его связь с Истоком. О воплощении — Душа. О телесном присутствии здесь — тело. О привычках, характере и способах действовать, складывающихся в земной жизни, — личность. По отдельности ни одно из этих объяснений не описывает всего человека.

Различия здесь относятся к разным сторонам жизни. У тела есть органы и процессы; у личности — привычки, характер, биография. Дух определяет духовное происхождение и более широкую историю себя, Душа участвует в воплощении. Схема помогает только до тех пор, пока мы помним, для чего ввели каждое понятие. Делать из личности ещё одно невидимое тело мне незачем.

Слово «структура» здесь полезно, пока напоминает о связях. Оно начинает мешать, когда вместо связей появляются только вложенные контуры на рисунке. Нарисовать вокруг человека несколько оболочек нетрудно. Объяснить, что означает каждая из них и на каком основании она выделена, значительно сложнее. Поэтому моя четырёхчастная формулировка не является утверждением о четырёх измеренных оболочках или четырёх геометрических измерениях.

Моя задача — удержать целого человека в каждом из этих разговоров. Тот, кто чувствует боль, любит, принимает решение, не становится менее настоящим оттого, что его существование шире сегодняшней биографии. И телу не приходится извиняться за то, что оно нуждается во сне, пока мы обсуждаем вечное.

Дух: происхождение и собственный опыт

Духом я называю разумное бестелесное начало, происходящее из Истока и способное осознавать себя. Здесь речь шире обычного выражения «сильный духом человек». В житейской речи так могут называть стойкость, решительность или способность выдерживать трудности. Я употребляю то же слово в ином значении: оно обозначает духовную составляющую человека, а не оценку его поведения в тяжёлой ситуации.

Поэтому из человеческой усталости не следует отсутствие Духа, а из уверенной манеры говорить — его особый возраст или могущество. Для подобных выводов понадобились бы отдельные основания. Если мерить духовную природу по тому, насколько убедительно человек выглядит в данный момент, легко перепутать внутреннюю уверенность, привычку производить впечатление и то, что мы вообще не умеем непосредственно проверить.

Дух остаётся в духовном мире, Душа участвует в воплощении. Значит, человек не сводится к тому, что его личность сейчас способна о себе вспомнить. Слово «остаётся» описывает это более широкое существование; превращать его в расстояние над телом незачем.

Духу доступен опыт шире нынешней земной биографии. Но это не повод объявлять каждое собственное желание решением Духа. Очень уж удобное оправдание получилось бы: достаточно переименовать своё «хочу», и возражать ему уже неприлично. Между духовным убеждением и объяснением конкретного желания остаётся работа, которую придётся проделать самому человеку.

Душа: участие в воплощении и связь

Душа — разумная энергия, которую Дух выделяет для воплощения. Она входит в тело и получает опыт. Через неё земная жизнь связана с более широким существованием самого человека. Поэтому я не свожу её ни к нынешней личности, ни к пустому проводу между двумя мирами: она сама участвует в проживании.

Под разумной энергией я здесь не имею в виду топливо, которое расходуется в теле. Это мой духовный язык для Души, участвующей в получении опыта. Но я не выделяю ей отдельную земную биографию рядом с человеком и не приписываю особый запас безошибочных решений. Слово «разумная» не позволяет заранее ответить, какой из внутренних голосов всегда прав. Решение проживает человек во всей своей сложности.

И слово «часть» для меня не означает отрезанный кусок, который можно измерить. Оно указывает на происхождение Души из энергии Духа. Из этого ещё не узнаешь, сколько воплощений возможно и как устроено каждое их соотношение. Такие подробности потребовали бы новых положений, а не одного удачного названия. Радость и тяжесть «на душе» я при этом воспринимаю как человеческие переживания: они не распределяют человека на отдельные лагеря, которым разрешены разные чувства.

Если мне говорят «на душе тяжело», я сначала хочу понять, что случилось. Исправлять человеку терминологию, прежде чем посочувствовать, — странная польза от духовного знания. Понятия нужны для понимания, а не для того, чтобы заслонять ими живую речь.

Я не приписываю Душе форму, окраску или способ передачи каждого переживания, которых здесь не определила. Её связь с Духом и участие в воплощении — основа моего понимания. Как эта связь переживается в земной жизни, обсудим отдельно.

Тело: сама возможность быть здесь

Тело можно образно назвать аватаром для воплощения. Но у сравнения есть предел. Игровую фигуру на экране легко заменить, а боль живого тела мы действительно чувствуем. Если за словом «аватар» перестать замечать усталость, удовольствие, привязанность, мы потеряем как раз то, ради чего говорим об опыте. Для меня тело не заменяемая декорация, а способ проживать эту жизнь.

Тело не является пустой картинкой, через которую кто-то наблюдает земную жизнь. Мы прикасаемся, работаем, говорим, едим, отдыхаем, обнимаем близких именно телесно. Пока обсуждается воплощённый человек, телесность входит в содержание его существования. Нельзя убрать её из картины, а затем уверенно продолжать рассуждать о том же самом опыте, будто изменилась только упаковка.

Представим, что человек говорит: «Я больше не могу, я устал». Можно немедленно ответить ему рассуждением о сопротивлении личности или о нежелании выполнять духовную задачу. А можно сначала выяснить, что он делал и есть ли у него возможность отдохнуть. Во втором случае духовная модель не разрушается. Просто она не подменяет собой тот уровень вопроса, который уже обозначен в словах человека.

Речь не о том, что любое желание отдохнуть объясняет всю жизненную ситуацию. Мы ещё будем различать избегание, привычный способ реагирования и реальные ограничения. Сейчас важно другое: тело не обязано сначала доказать духовную значимость своих потребностей, чтобы их можно было учитывать. Иначе воплощение объявляется выбранным опытом, а конкретные условия этого опыта тут же признаются недостойными внимания.

В трактате «О душе», II.1, Аристотель предлагает существенно иной, чем моя схема, способ описания: душа рассматривается как форма и первая действительность естественного тела, потенциально обладающего жизнью. Вопрос их единства он сопоставляет с отношением воска и приданной ему формы. Это не картина, где в тело входит ещё один предмет того же порядка. [26]

Аристотель говорит о душе иначе, чем я. Одно русское слово здесь обозначает разные представления о живом. И тем его рассуждение интересно: оно заставляет усомниться в привычной картинке, где тело — дом, а душа — поселившийся внутри жилец. Сходство названий не делает наши объяснения одинаковыми.

[26] Aristotle. De Anima (On the Soul), II.1, 412a–413a. Перевод J. A. Smith, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Aristotle/soul.2.ii.html.

Личность: земная история имеет значение

Личность формируется в семье, языке, окружении, собственных поступках. Через неё человек получает земной способ понимать себя и отвечать другим. Это работа становления, а не случайная помеха между Духом и нужным ему опытом.

В повседневном разговоре мы узнаём личность не по отвлечённому наличию духовного начала. Мы помним, как человек шутит, что обещает, как относится к близким, чем увлекается, на что решается. Когда говорим «это на него похоже», имеем в виду некоторый знакомый способ быть в жизни. Он может меняться, иногда значительно, и всё же разговор идёт о человеке с определённой историей отношений.

Если объявить всё это ложным и несущественным, возникнет странная ситуация. Дух якобы приходит за опытом, но тот, кто приобретает навыки, заводит отношения, делает выбор и пытается разобраться в последствиях, считается помехой. Тогда практически любое самостоятельное решение можно будет обесценить словами «это только твоя личность». Для моей картины такое обесценивание неприемлемо: личность включена в целого человека.

Это не делает каждое убеждение личности истинным. Можно ошибаться, неправильно понимать других, держаться за привычные способы поведения. Уважать значение личности и считать её безошибочной — разные вещи. Более того, возможность пересмотреть собственное мнение как раз предполагает, что земное становление продолжается. Если всё содержание заранее закреплено и должно только проявиться, места для такого пересмотра останется мало.

Важно не смешать личность с одной исполняемой ролью. Человек может быть супругом, работником, другом, автором, учеником. Каждая роль включает определённые отношения, но ни одна по отдельности не охватывает всего человека. Потеря работы меняет важную часть обстоятельств; из неё не следует, что исчез весь тот, кто прежде работал. Эта разница станет существенной, когда будем обсуждать предназначение и то, почему его нельзя без остатка приравнять к профессии.

После завершения воплощения опыт личности сохраняется в ядре Души — монаде — и с возвращающейся Душой входит в опыт Духа. Личность не продолжает рядом отдельную вечную биографию.

Почему чужие схемы не складываются по числу частей

В Первом послании к Фессалоникийцам 5:23 вместе названы дух, душа и тело. Контекст — молитва об освящении человека во всей полноте и сохранении его целости к пришествию Христа. Наличие трёх названий существенно, но сам стих не содержит моих определений: о Духе, остающемся в духовном мире, выделении Души и формировании личности в земной жизни там не сказано. [27]

Ход мысли здесь — от целости человека к его сохранению. Поэтому знакомые названия работают внутри молитвы, а не внутри перечня духовных механизмов. Сравнение с моей схемой надо начинать с задачи текста: что именно он хочет сказать о человеке? Одного совпадения трёх слов для ответа мало.

В Послании к Евреям 4:12 говорится о слове Божием, проникающем до разделения души и духа, а также судящем помышления и намерения. Здесь снова встречается различение, но сам фрагмент сосредоточен на действенности слова Божия и открытости человека перед Богом. Он не даёт отдельной инструкции по извлечению или исследованию двух невидимых компонентов. [28]

Получается важная исследовательская развилка. Само различение души и духа в этих текстах есть. А вот значение различения предстоит устанавливать по контексту. Иначе мы сперва принесём свою схему, затем обнаружим её в предложении, которое с самого начала прочитали по собственным правилам.

В «Ключе к теософии» Блаватская, объясняя состав человека, отдельно предостерегает от понимания семи принципов как семи самостоятельных существ или оболочек, которые можно снимать одну за другой. В этом месте она говорит об аспектах и состояниях сознания, делая оговорки относительно телесных и жизненных начал. Следовательно, даже явно многочастная схема требует прочтения того, что именно автор называет принципом. [29]

У Блаватской меняется сама единица счёта: она обсуждает принципы и состояния, а не семь жильцов внутри оболочки. Поэтому сопоставление с моими четырьмя понятиями потребовало бы сравнить функции каждого начала. «У них семь, у меня четыре» — пока только арифметика. До общего учения ей ещё далеко.

---

[27] Библия. Синодальный перевод. Первое послание к Фессалоникийцам 5:23–24: https://bible.by/syn/59/5/.

[28] Там же. Послание к Евреям 4:12–13: https://bible.by/syn/65/4/.

[29] H. P. Blavatsky. The Key to Theosophy (1889), section VI, Theosophical Teachings as to Nature and Man, печатная с. 100 в электронной репродукции: https://www.theosophy.org/Blavatsky/Key%20to%20Theosophy/aKEY.htm. См. абзац о семеричном человеке как об аспектах и состояниях сознания, а не семи отдельных существах.

Кто принимает решение

Теперь можно вернуться к обычной ситуации. Человеку предлагают переехать. Ему интересно попробовать другую жизнь, но страшно потерять привычные связи. Есть расчёты, желания, обязательства, телесные возможности. Если пользоваться духовным словарём слишком поспешно, каждому доводу можно назначить отдельного владельца: это говорит Душа, это сопротивляется личность, а здесь вмешалось тело. Получится внутренний спор персонажей, которым сам толкователь выдал роли.

Но из содержания фразы ещё не видно её духовного источника. Страх может относиться к реальному риску, привычному ожиданию или неизвестности. Увлечение новой возможностью тоже не гарантирует, что план осуществим. Прежде чем распределять реплики по уровням, стоит разобраться с самим предложением: куда, на каких условиях, с какими ресурсами и ради чего человек собирается двигаться.

Решение принимает целый человек, хотя внутри он может хотеть несовместимого. Поэтому сначала стоит услышать само противоречие: интерес к делу, страх потери, обязательство перед близким. Если заранее назначить одному доводу звание высшего, а другой объявить низшим, разбираться уже не придётся. Победителя выбрали до разговора.

Многомерность не освобождает и от ответственности за поступок. Если я дала обещание и нарушила его, человеку напротив недостаточно сообщить, что обещала личность, а Дух имел другую задачу. В земных отношениях действовала я. Различение составляющих может помочь осмыслить решение, но не должно превращаться в способ вывести действующее лицо из собственного действия.

Из собственной ошибки я могу узнать, чего не учла и что ещё исправимо. Но не обязана вслед за этим объявлять испорченным весь состав человека, включая Дух и Душу. Для оценки поступка такая всеобщая порча ничего не объясняет.

Где в этой картине сознание

У читателя закономерно возникнет ещё один вопрос: мы постоянно говорим об осознании, но не включили сознание в список отдельным пунктом. Не потерялась ли пятая составляющая? Само по себе употребление слова не требует добавлять ещё одну сущность. Вначале нужно выяснить, что именно им обозначается и какую задачу решает его выделение.

В книге я говорю об осознавании себя, внимании, понимании своего решения. Но отдельную духовную сущность под названием «сознание» к этому перечню не добавляю. Дух способен к самоосознанию, человек осознаёт свою земную жизнь. Этого пока достаточно для нашей мысли; самостоятельная теория сознания потребовала бы отдельного разговора.

Мы говорим, что человек способен видеть, но не поселяем ради этого у него внутри маленького зрителя. Так же и слово «сознание» само по себе ещё не добавляет к нашей схеме отдельную сущность. О его природе можно спорить; грамматика этот спор за нас не решит.

По той же причине нельзя без пояснения заменить Душу сознанием или личность разумом. Тогда определения начнут перемещаться внутри текста и создавать иллюзию решения. Сегодня Душа обозначает связь с Духом, завтра — совокупность эмоций, послезавтра — всякое осознавание. При таком словаре можно объяснить что угодно, поскольку предмет каждый раз будет становиться удобным для очередного утверждения.

Целостность без внутренней иерархии достоинства

В духовных схемах слова «высшее» и «низшее» иногда используются для обозначения порядка происхождения, а затем незаметно становятся оценкой ценности. Получается, что всё относимое к телу заранее хуже, чем относимое к Духу. Но положение в схеме и отношение к живому человеку — разные вопросы. Из более широкого духовного происхождения не следует, что конкретная жизнь не заслуживает внимания.

Если тело понимается как средство воплощения, отношение к нему имеет значение для самого воплощённого существования. Если личность складывается через отношения, нельзя рассматривать эти отношения только как препятствие перед доступом к настоящей жизни. Если Душа связывает с Духом, задача не решается унижением всего земного, через что в данной модели и происходит опыт.

Можно увидеть это на простом примере заботы. Человек помогает близкому приготовить еду, разобраться с делами, добраться до нужного места. В описании нет ни одного возвышенного термина. Но если считать конкретную помощь заведомо менее значимой, чем разговор о любви, возникнет вопрос, где в этой картине любовь вообще получает выражение. Условие земной жизни не делает поступок пустым.

Я поэтому не понимаю целостность как победу одного уровня над всеми остальными. Здесь важнее выяснять связи: какое значение имеет переживание, что происходит в отношениях, какие возможности есть у человека, как он понимает собственные решения. Иногда потребуется различить несколько сторон. Иногда достаточно остановиться и не превращать вполне ясную просьбу в метафизическую загадку.

Это не обещание постоянной внутренней гармонии. Человек может хотеть несовместимого, менять решения, не сразу понимать себя. Модель целого не должна запрещать такую сложность. Скорее она напоминает, что для понимания нельзя выбросить неудобную часть опыта и затем уверенно описывать оставшееся как человека во всей полноте.

Глава 6. Душа как связь

Когда меня спрашивают, как я ощущаю свою Душу, мне хочется ответить без сложной духовной терминологии. Я чувствую тепло в области сердца. Иногда это связано с радостью, иногда — с красотой, которую замечаю, или с внутренним согласием: вот так мне хочется жить. Для описания этого состояния давно существуют простые слова — «на душе хорошо», «по душе», «душа радуется». В них есть точность переживания, хотя из них ещё не складывается объяснение устройства человека.

Понимать своё ощущение — моя работа; требовать такого же от другого незачем. Иначе мы опять начнём определять человека по соответствию чужому описанию, только вместо правил поведения возьмём ощущения в груди.

От собственного переживания я при этом не отказываюсь. Оно и стало поводом задуматься о Душе. Но для разговора мне нужно различать то, что я чувствую, и то, как понимаю почувствованное. Тепло узнаётся непосредственно; объяснение требует слов, а слова уже можно уточнять.

Кто с кем связан

Прежде чем говорить о Душе как связи, нужно устранить неточность, которую легко допустить даже при внимательном выборе слов. Выражение «человек связан с Духом» может создать картину двух самостоятельных существ. Здесь живёт человек, там находится Дух, а между ними Душа, которая передаёт сообщения. Почти служба доставки, только с духовным содержанием.

В моём понимании Дух — это сам человек в более широком, чем земная личность, существовании. Поэтому речь идёт о связи внутри целого. Личность не помнит себя Духом; её повседневный опыт ограничен этой жизнью. Но ограниченность доступного опыта не означает, что за его пределами находится кто-то чужой.

«Мой Дух» — привычная форма речи. Только она легко создаёт впечатление, будто есть отдельно я и принадлежащий мне Дух. С выражением «моя жизнь» мы обычно не путаемся: жизнь не лежит рядом с живущим. В моём понимании духовного существования тоже не возникает отдельного владельца, которому выдали несколько невидимых предметов.

Дух остаётся в духовном мире, Душа участвует в воплощении, тело даёт земное присутствие, личность складывается в этой жизни. При этом человек не превращается в четверых, которым предстоит договориться о совместном проживании. Различаются способы его существования и участия в опыте. У каждого из наших слов своя задача, но ни одно не должно незаметно становиться обозначением постороннего хозяина.

Быть целым и помнить всю полноту себя — разные вещи. Незнание замысла выбрано Духом намеренно, а Душа продолжает связывать земную жизнь с ним. Именно поэтому закрытая память не превращается в разорванное существование.

Связь здесь — отношение к собственной духовной полноте. Она сохраняется и тогда, когда внимание личности занято другим. Представлять её трубой с измеряемой пропускной способностью мне незачем: дело не в мощности сигнала, а в том, что человек способен о себе заметить.

Духовный мир в таком понимании — не адрес в нескольких километрах над Землёй. Иначе пришлось бы выяснять, на какой высоте заканчивается атмосфера и начинается высший аспект самого себя. О пространственном расстоянии я здесь не говорю.

Где находится то, что не имеет адреса

Сама трудность пространственного языка возникла задолго до современной эзотерики. В третьем трактате четвёртой «Эннеады», в двадцатом разделе, Плотин рассматривает, каким образом душа присутствует в теле. Он последовательно проверяет привычные способы понимать нахождение одного в другом и не принимает образ души, заключённой в теле как в сосуде. Для него телесное местоположение не объясняет характер этого присутствия. [30]

В этом ходе мысли и заключается трудность: назвать Душу нетелесной, а затем поселить её внутри груди как маленький предмет — значит незаметно вернуть ей телесные свойства. Плотин заставляет исследовать само «внутри». Я использую его вопрос для уточнения своего языка: присутствие Души в воплощении не нужно понимать как размещение ещё одного органа.

Тепло в области сердца — так я ощущаю Душу. Здесь место ощущения не превращается в адрес её хранения. Мы ведь не ищем любовь в горле только потому, что от волнения оно сжимается.

Так же дорогая музыка может вызвать мурашки. Телесный отклик делает встречу ощутимой, но ещё не исчерпывает того, что мы встретили в музыке. Между переживанием и попыткой объяснить его устройство остаётся работа понимания.

Поэтому я рассказываю о своём тепле в сердце без требования к читателю предъявить такое же. Мне интереснее, как он узнаёт внутреннее согласие, что замечает в себе и какое значение этому придаёт. Здесь начинается разговор двух людей, а не проверка по образцу ощущения.

[30] Plotinus. Enneads, IV.3.20, On Difficulties about the Soul (I). Перевод Stephen MacKenna и B. S. Page, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Plotinus/enneads.4.fourth.html.

Связь, которую нельзя оборвать

Потерять связь с Духом невозможно: это связь с собственным высшим аспектом. Человек может перестать слышать и чувствовать её, когда внимание целиком занято программами личности. Духовная природа при этом остаётся его природой.

Вот это состояние мы и называем потерей связи с собой. Все силы уходят на немедленные требования, ожидания, удержание привычного образа. Слишком занятая личность не замечает более широкого себя. Поэтому начинать приходится с внимания к происходящему, а не с поисков того, кто продаст восстановление утраченной принадлежности.

Разница существенная. Если связь действительно оборвана, возникает необходимость искать того, кто способен её восстановить. Если она сохраняется, задача состоит в том, чтобы замечать себя полнее. Помощь другого человека при этом возможна, но он не становится единственным владельцем доступа к нашей духовной природе.

Я могу принять участие в разговоре, после которого лучше понимаю себя. Могу прочитать книгу, увидеть собственное противоречие, найти слова для давно знакомого ощущения. Всё это помогает вниманию. Но из такой помощи не следует, что до встречи у меня отсутствовало то, к чему я начала прислушиваться после неё.

Особенно странно в этой картине выглядела бы мысль, что связь исчезает из-за обиды, сомнения или тяжёлого дня. Получилось бы, что высший аспект человека существует при нём только до первого серьёзного расстройства. Я не понимаю духовную целостность как поощрение за хорошее настроение.

Человек остаётся собой и в утрате, усталости, гневе. Тепла может не чувствоваться, а связь сохраняется. Тогда вместо экзамена на духовное состояние можно заняться тем, что действительно требует внимания сегодня.

Изменчиво внимание, а не принадлежность к самой себе. Если в тяжёлый день человек перестал чувствовать опору, ему предстоит разобраться с этим днём. Добавлять к нему ещё и воображаемое изгнание из духовной жизни незачем.

Когда внимание занято личностью

Под программами личности я понимаю привычные способы воспринимать и действовать: что мне разрешено, за что меня ценят, чего ждут, какой я должна быть. Усвоенное может настолько занять внимание, что всё остальное в человеке будто перестаёт существовать. Сама личность от этого не становится мёртвой или ненастоящей. Просто привычный образ себя порой заслоняет всё, что в него не помещается.

Человек привык быть тем, кто собирает всю семью за столом. Выбрать день, купить продукты, приготовить любимое каждому, потом убрать — всё как будто само собой его задача. Однажды хочется провести выходной иначе. Но вместо простого желания возникает вина: если я не организую праздник, разве я люблю своих близких?

На предложение разделить заботы он отвечает: «Мне проще самой». Иногда это действительно так. А иногда страшнее узнать, что близкие способны собраться и без его полного участия. За привычной ролью обнаруживается вопрос: кем я буду для них, если перестану всё обеспечивать?

Так я понимаю программу личности в действии: усвоенный способ получать близость начинает определять больше, чем человек замечает. Но программа не охватывает его целиком. В нём есть и любовь к семье, и желание другого выходного, и способность договориться. Разобраться в этой сложности полезнее, чем объявить всякую заботу ложной.

И духовный выход в таком случае не обязан выглядеть как отказ от помощи вообще. Иногда он начинается с простого признания: я могу любить близкого и всё-таки не иметь сил выполнить его просьбу сегодня. Смысл не в том, чтобы перечеркнуть заботу, а в том, чтобы перестать считать самоотмену её обязательным условием.

Здесь хорошо видно, почему противопоставление Души и личности слишком грубо. Если всё живое и хорошее мы заранее отнесём к Душе, а всякое неудобство — к личности, у нас получится безупречная схема, которая объясняет себя собственными определениями. Душа всегда права, потому что правым мы назвали душевное; личность всегда мешает, потому что всё мешающее записали на её счёт.

Для понимания конкретного человека такая схема почти бесполезна. В его земной личности есть способность учиться, заботиться, признавать ошибку. Через неё он находит слова и совершает поступки. Именно в жизни, с её отношениями и ограничениями, более широкое понимание себя может получить выражение. Уничтожить личность ради связи с собой было бы довольно противоречивой затеей.

Внутреннее чувство и его толкование

Мне близко выражение «жить по душе». В нём слышится согласие с собственной жизнью, способность находить в ней радость и не воспринимать каждый день как повинность. Но оно нуждается в уточнении, иначе любое сиюминутное желание получит духовное оправдание.

Подруга зовёт в поездку. Красивое место, долгожданная встреча, билеты ещё можно купить — хочется согласиться немедленно. Чувство настоящее. Но потом выясняется, что на эти дни уже есть обязательства, а маршрут совсем не такой, каким представлялся. Можно по-прежнему хотеть поехать и всё-таки уточнить, на что соглашаешься.

Бывает и наоборот. Человек решает не продолжать дружеский разговор, в котором его постоянно высмеивают, и после отказа чувствует тревогу. Он привык сохранять близость любой ценой и теперь не знает, что от неё останется. Тяжесть решения не доказывает, что оно против Души. Она может означать, что привычный способ отношений впервые меняется.

У переживания и его объяснения своя история. Радость может сопровождать узнавание важного, а может увлечь красивой возможностью, которой мы ещё не разобрали. Тревога тоже требует внимания к обстоятельствам. Назвать чувство положительным или отрицательным недостаточно, чтобы решить за человека.

Размышление не оскорбляет внутренний отклик. Узнать маршрут поездки, поговорить с подругой о деньгах и ожиданиях, учесть тех, кого касается решение, — всё это тоже делаем мы сами. Иногда именно так выясняется, что было по душе: место, близость, свобода нескольких дней или надежда наконец кому-то понравиться.

Можно начать с вопроса о самом ощущении: что я сейчас переживаю? Потом отделить от него объяснение: почему я решила, что это означает именно такое действие? Уже между этими двумя вопросами появляется пространство для понимания. Тепло остаётся теплом, радость — радостью, а вывод перестаёт быть автоматическим.

Предположим, после разговора человеку стало легко. Он может решить, что встретил своего учителя. Но облегчение могло возникнуть от того, что его впервые внимательно выслушали. Это не делает встречу менее ценной. Зато помогает не приписать собеседнику больше полномочий, чем тот получил на самом деле.

Или человек чувствует сильное притяжение к новому занятию. Можно исследовать его, попробовать, посмотреть, сохраняется ли интерес при встрече с реальной работой. Необязательно немедленно объявлять найденное единственным предназначением. Возможность приблизиться к чему-то важному не становится слабее от того, что мы позволили себе узнавать его постепенно.

Уточнение первого впечатления входит в познание себя. Разумному свободному Духу незачем превращать каждую однажды принятую мысль в неприкосновенную. Уверенность в своей природе и способность признать ошибку прекрасно уживаются в одном человеке.

Дух участвует в жизни

Дух наблюдает, получает опыт и продолжает направлять человека после выбора исходных условий. Это движение к более полному пониманию себя из собственной духовной природы. Земная история не оставлена без участия высшего аспекта, но и не превращена в выполнение чужих команд.

Если забыть об этом, появится образ руководителя, который следит за подчинённым и время от времени выдаёт указания. Земная личность будет выполнять работу, а некто другой — оценивать результат. Я не так понимаю соотношение Духа и воплощения. Опыт человека не принадлежит чужому наблюдателю, стоящему за пределами его жизни.

Однако единство не означает, что личности доступно всё знание Духа или что она безошибочно распознаёт любое направление. В противном случае само различие между полнотой существования и ограниченностью земного понимания было бы ненужным. Мы могли бы просто назвать любое своё действие духовно осознанным и прекратить исследование.

В повседневной жизни это узнаётся через внутренний отклик, согласие, интуицию, новый взгляд на обстоятельства. А вот точное значение отклика раскрывается дальше — в решении и его встрече с жизнью. Сама сила ощущения ещё не проделала за нас эту работу.

Как же Дух направляет, если сохраняет нашу свободу? Я понимаю это как возможность увидеть больше привычного: заметить собственное желание, пересмотреть вывод, выйти за пределы роли, в которой стало тесно. Но решение всё равно принимаем мы сами, здесь, со всем тем, что нам известно и неизвестно.

Иногда это касается любви. Человек вдруг замечает: он привык быть удобным партнёром, но почти перестал говорить о том, чего хочет сам. Такое открытие не предписывает немедленно расстаться. Возможно, впервые предстоит честный разговор о близости, совместном времени, желаниях, которые годами считались второстепенными. Через него направление может стать яснее, чем через попытку угадать единственно верное решение.

Именно здесь сохраняется достоинство личности. Она не только терпит последствия выбора, совершённого где-то без неё. В земной жизни через неё происходит осознанное участие: человек обдумывает, разговаривает, пробует, ошибается, исправляет. Если мы признаём его многомерность, это должно расширять понимание участия, а не превращать земную сторону в бесправного исполнителя.

Мне кажется существенным и ещё одно различие. Из мысли о направлении нельзя вывести, что все события являются намеренными сообщениями именно этому человеку. В жизни участвуют другие люди, их решения, общие условия. Моё понимание собственного опыта не даёт основания присвоить себе авторство всей происходящей вокруг истории.

Если смысл обнаруживается в моей жизни, он всё же не присваивает мне авторство чужих поступков. Другой человек действует из своей истории и своих решений. Иначе у меня окажется свобода, а все вокруг станут актёрами, которым мой Дух заранее раздал реплики.

Быть направляемой и оставаться свободной

На первый взгляд направление и свобода плохо сочетаются. Если путь уже подсказан более широким пониманием, зачем нужна возможность поступить иначе? Но это противоречие возникает прежде всего тогда, когда мы воображаем направление приказом, а свободу — разрешением согласиться.

Человек может почувствовать, что для него важно, и всё-таки отложить решение. Может выбрать иначе, ошибиться, позже понять, почему поступил именно так. Свобода решения предполагает и такую возможность. Если результат заранее обеспечен, выбирать уже нечего.

Это не значит, что существует обязательная единственная линия, от которой человек постоянно рискует отклониться. Мы уже приняли открытость дальнейших событий. Поэтому и связь с Духом не следует превращать в поиск единственного хода, после которого вся жизнь гарантированно сложится правильно.

Одно внутреннее направление может получить разную форму. Любовь к красоте выражается в рисунке, саде, приготовленном ужине, внимании к пространству дома. Необязательно искать единственную профессию или обстоятельство, без которого связь с собой будто бы недействительна. Иногда человек узнаёт знакомое чувство в занятии, которого прежде вообще не замечал.

Если же заранее объявить один вариант тайно назначенным, любое затруднение начнёт выглядеть наказанием за неверно услышанную подсказку. Вместо свободы появится постоянная проверка: достаточно ли я правильно себя расшифровала? Духовная жизнь тогда превращается в экзамен, условия которого человеку забыли выдать.

Я не предлагаю такой модели. Для меня связь с собой допускает процесс, в котором понимание становится точнее. Ошибка не делает человека чужим своему Духу. Изменение решения не обязательно означает предательство Души. Иногда оно как раз показывает, что человек сумел учесть опыт, который раньше ему был недоступен.

Это позволяет по-другому относиться и к сомнению. Оно бывает мучительным и бесплодным, но бывает и честной реакцией на недостаток ясности. Нельзя требовать от человека уверенности только потому, что в духовной картине мира ему положено быть связанным с высшим аспектом себя. Сохраняющаяся связь не равна постоянному знанию правильного ответа.

Древний текст о незамеченном присутствии

В двадцать седьмой главе десятой книги «Исповеди» Августин обращается к Богу и описывает запоздалое узнавание присутствия, которого прежде не замечал. По смыслу этого обращения Бог был внутри, пока сам Августин искал вовне; Бог был с ним, а он не был с Богом. Здесь различаются присутствие и человеческий отклик на него.[31]

Сила этого обращения — в его несимметричности: присутствие Бога и участие самого человека описаны по-разному. Августин не сообщает, что Бог вернулся после отсутствия; меняется узнавание. Но адресат молитвы — Бог, а не высший аспект собственной личности. Именно на этой границе его христианское понимание и моя философия расходятся.

Для меня это точный повод спросить: что пропадает, когда я говорю «не чувствую связи»? Само существование связи — или моё внимание к ней? В моей философии сохраняется первое, а изменяется второе. И тогда задача состоит в том, чтобы заметить, чем занято внимание, а не срочно чинить якобы разорванного человека.

Связь с Духом сохраняется всегда. Поэтому любой период внутренней пустоты я не превращаю в аварийную ситуацию на духовном уровне. Иногда человеку нужно выспаться, отдохнуть, разобраться с делами. Через эту обычную заботу он тоже возвращает себе возможность слышать себя.

[31] Augustine. Confessions, X.27.38. Перевод J. G. Pilkington, в издании Nicene and Post-Nicene Fathers, First Series, vol. 1; электронная публикация New Advent: https://www.newadvent.org/fathers/110110.htm.

Жить по душе в обычный день

У выражения «жить по душе» есть уязвимость: его легко наполнить такой исключительностью, что обычная жизнь перестанет ему соответствовать. Будто нужно непрерывно чувствовать вдохновение, заниматься только любимым и никогда не испытывать раздражения. В этой версии Душа становится ещё одним требовательным начальником.

Мне ближе понимание, при котором человек постепенно узнаёт, с чем внутренне согласен, а в чём долго отказывается себе признаться. При этом у него остаются обязанности, ограничения, необходимость делать неприятное. Разница возникает в отношении к собственному участию: способен ли он рассмотреть свою жизнь, что-то обсудить, изменить доступное, признать пока недоступное.

Иногда по душе оказывается совсем негромкая вещь. Возможность спокойно закончить работу. Разговор, в котором не нужно изображать постоянное благополучие. Занятие, к которому хочется вернуться без обещания стать особенной. Такие переживания не обязаны складываться в грандиозное откровение, чтобы заслуживать внимания.

Только не стоит делать из этого новую обязанность: находить духовный смысл в каждом бытовом действии. Можно пить чай, не выясняя, какой аспект Духа сейчас участвует в кипячении воды. Отсутствие серьёзного комментария не лишает человека целостности.

Для меня внимание к Душе начинается с готовности не заглушать собственное переживание прежде, чем я его поняла. Пришла радость — можно заметить, с чем она связана. Возникло несогласие — рассмотреть, о чём оно. Появилось чувство прекрасного — позволить ему существовать, не требуя немедленной пользы. Само это внимание ещё ничего не решает за нас, но даёт больше материала для осмысленного решения.

Я узнаю это в том числе по теплу в области сердца. Другой человек может говорить об интуиции, красоте, радости от собственного занятия. Здесь важно услышать содержание переживания, а не заставить всех одинаково его описывать.

Я не помню себя во всей полноте Духа. Но зачем начинать земную жизнь без памяти о том, для чего пришла?

Глава 7. Почему именно эта жизнь

Объяснить выбор воплощения одной фразой легко: Дух пришёл за опытом. Труднее ответить человеку, который спрашивает о собственной семье, месте рождения, обстоятельствах детства. Его интересует не общий замысел мироздания, а его жизнь. Почему она началась именно так и что он теперь вправе в ней менять?

За этим вопросом бывают любопытство, желание примириться с прошлым, попытка понять повторяющееся. Иногда в нём слышится и сомнение: если я всё выбрала, не предаю ли себя, когда хочу другого? Я отвечаю: желание изменить условия не делает воплощение ошибкой. Оно уже принадлежит опыту, который происходит здесь.

От ответа зависит многое: будем мы искать, что можно изменить, или объяснять себе, почему ничего менять не положено. Поэтому прежде, чем говорить о замысле воплощения, я хочу уточнить, что именно считаю выбранным.

Условия ещё не составляют биографию

Дух выбирает исходные данные воплощения: семью, страну, время рождения. Они задают начало истории. Дальнейшие события открыты и зависят в том числе от решений самого человека и людей, с которыми он встретится. В выбранном начале ещё нет готовой биографии.

Выбор семьи нельзя незаметно превратить в предварительное одобрение всего, что когда-либо сделают родственники. Выбор страны — в согласие с каждым событием её истории. Иначе слово «условия» будет означать уже целиком написанную жизнь, хотя мы приняли другое положение: дальнейшие события открыты.

Представим семью, в которой высоко ценят надёжность. Ребёнку объясняют, что хорошая работа должна быть устойчивой, а увлечение вполне может подождать. В одном продолжении истории он принимает эту установку, находит подходящее дело и доволен своим выбором. В другом пытается ей соответствовать, но со временем замечает, что живёт чужими ожиданиями. В третьем спорит с родителями, а позже возвращается к части их советов уже по собственному решению.

Каждое из этих продолжений раскрывает своё отношение к одному условию. Название «строгая семья» слишком общее, чтобы определить по нему единственную будущую жизнь. В него не помещается даже один человек целиком, не говоря уже обо всех встречах, которые ещё впереди.

Поэтому утверждение о выборе исходных данных не позволяет сказать: «Значит, всё случившееся было предусмотрено». Такой вывод добавляет к исходному положению то, чего в нём не было. Условия делают некоторые возможности доступными, другие затрудняют; дальнейшее участие всё равно требует решений.

Так я отделяю начало от продолжения. Условия дают опыту форму. Человек живёт внутри неё, узнаёт то, чего ещё не знал, и своими решениями меняет дальнейший ход.

Древний рассказ о выборе жизни

В конце десятой книги «Государства» Платон помещает миф Эра. Герой рассказывает об увиденном после смерти: души получают очередь по жребию и выбирают образцы будущих жизней. Их предупреждают об ответственности за выбор. Один выбирающий поспешно предпочитает тиранию, не рассмотрев её последствий. Одиссей, напротив, ищет незаметную частную жизнь. Перед новым рождением происходит забвение.[32]

Но в мифе Эра выбранная судьба затем утверждается при Мойрах и становится необратимой. Я не могу взять отсюда выбор и забвение, а необходимость дальнейшей судьбы молча отбросить. У Платона философский рассказ со своей логикой, а не описание процедуры, которую мы смогли проверить.

Платон даёт нам конкретный древний сюжет с собственной последовательностью: выбор жизненного образца, утверждение судьбы, забвение. У меня иной предмет выбора — исходные условия при открытом продолжении. Если заменить одно другим, мы сбережём красивую ссылку, но потеряем различие между двумя картинами жизни.

[32] Plato. Republic, X, 614b–621d; особенно 617d–620d (жребий, выбор жизненных образцов и отдельные выборы), 620d–621b (утверждение судьбы и забвение). Перевод Benjamin Jowett, Internet Classics Archive: https://classics.mit.edu/Plato/republic.11.x.html.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.